

Виталий Закруткин.
СТОРОНА ДОНСКАЯ.

«МЫ НЕ СДАЕМСЯ, ТОВАРИЩ ГЕНЕРАЛ!»

Макс Эйве.
ЧЕГО НЕ ХВАТАЕТ ДЛЯ СЧАСТЬЯ?

«МОСФИЛЬМ» СНИМАЕТ КОМЕДИИ.

ПАН ПРОФЕССОР ОБРЕТАЕТ ИЗВЕСТНОСТЬ.

ГАЛЯ ПРОЗУМЕНЩИКОВА. ОЛИМПИЙСКОЙ ЧЕМПИОНКЕ 15 ЛЕТ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 47 (1952)

15 ноября 1964

Праздничный репортаж вели фотокорреспонденты «Огонька» Дм. БАЛЬТЕРМАНЦ, А. БОЧИНИН, А. ГОСТЕВ, Ю. КРИВОНОСОВ, М. САВИН, И. ТУНКЕЛЬ.

Революция, любовь моя,
Ты, как песня гордая, крылата,
Ты вольнолюбива, как моря,
И, как солнце, радостью богата.

Пусть играют трубы, медь гремит,
Наполняя музыкой просторы.
Наши люди, как литой гранит,
А свершенья высоки, как горы!

Семен ОЛЕНДЕР

ЛЕНИНСКИМ КУРСОМ

К ПОБЕДЕ

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩА

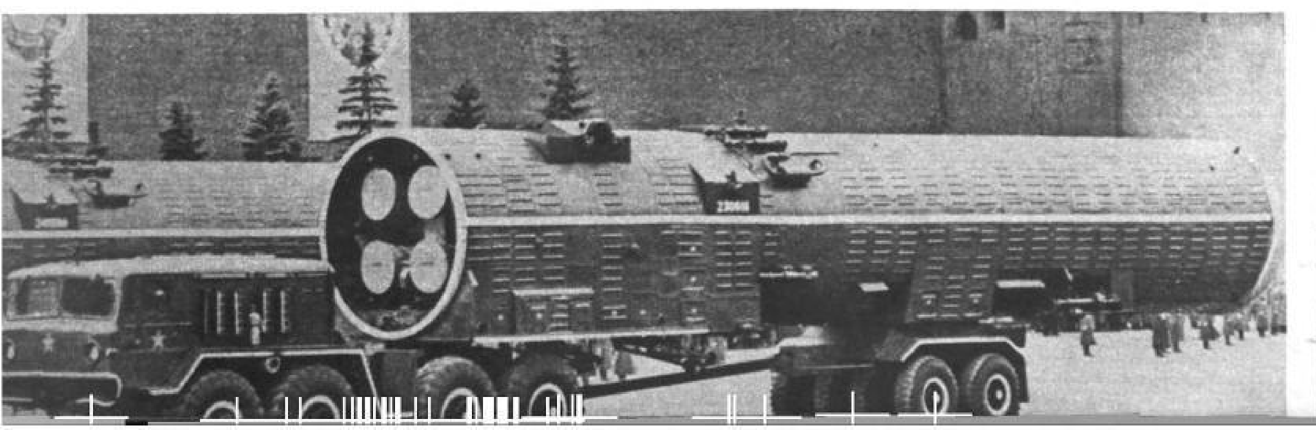
ДЬ, 7 НОЯБРЯ 1964 ГОДА.

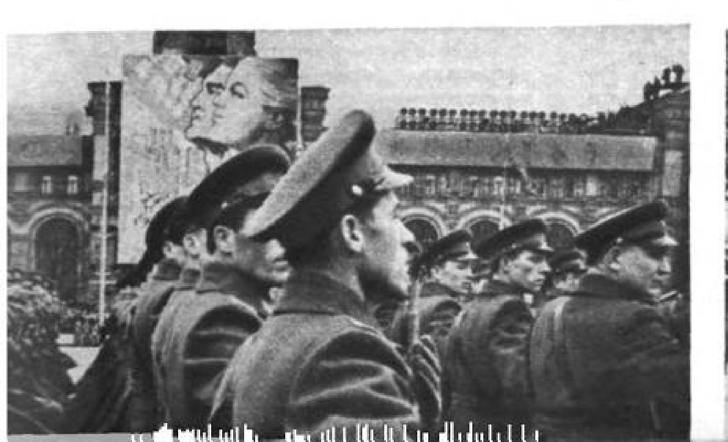

МОСКВА, КРАСНАЯ ПЛОЩА

ДЬ, 7 НОЯБРЯ 1964 ГОДА.

После выборов

Л. ВЕЛИЧАНСКИЙ

Репортаж из Нью-Йорка

Вместе с пожелтевшими листьями осенний ветер метет по улицам Нью-Йорка голубые и белые листовки. Коегде со стен еще не соскоблили предвыборные плакаты, и человек с квадратным подбородком продолжает смотреть на прохожих через роговые очки застывшим взглядом. На плакате слова: «Сердцем вы знаете, что он прав». Люди равнодушно проходят мимо. Здесь двое из каждых трех умом и сердцем поняли, что «он» не прав, и 3 ноября зафиксировали свое мнение голосованием.

За два дня до выборов после воскресной службы в унитарной церкви в Олбани преподобный Николас Карделл объявил, что в следующее воскресенье, то есть 8 ноября, он прочтет проповедь на тему «Почему мистер Голдуотер потерпел поражение». Это объявление не вызвало удивления, так как все признаки говорили за то, что кандидат черной реакции, сенатор из Аризоны Голдуотер идет к поражению. Не вызывала сомнений и главная причина. Президент союза рабочих автомобильной промышленности Уолтер Рейтер сказал журналисту накануне голосования, что Голдуотер «будет сокрушен стремлением людей к миру, которое не знает партийных границ». С этими словами профсоюзного лидера согласился руководитель негритянского движения доктор Кинг. Опросы населения подтверждали, что для большинства избирателей решающим при голосовании будет вопрос, кому из кандидатов в президенты безопаснее доверить кнопку ядерной войны.

Противники Голдуотера не были уверены, что поражение Голдуотера будет сокрушительным. Поэтому вид предвыборных плакатов вызывает у большинства американцев вздох облегчения. Они напоминают об опасности, которая только что была устранена, по крайней мере на ближайшие четыре года.

Не все американцы, голосовавшие 3 ноября против Голдуотера, ясно представляли себе серьезность этой опасности. Много лет назад поклонник Гитлера сенатор Лонг сказал, что если фашизм когда-нибудь победит в Америке, то он сделает это под американским флагом. И если не считать ничтожной кучки головорезов Рокуэлла, которые щеголяют в форме штурмовиков со свастикой на рукавах, американские фашисты действительно не похожи на своих европейских предшественников. Они выступают под флагом защиты американских традиций, демократии и индивидуальных свобод для владельцев частной собственности и противопоставляют права штатов власти федерального правительства. Они еще только начинают усваивать приемы геббельсовской социальной демагогии. И все же в главном «предки» и «потомки» сходятся. Основу их «философии» составляет оголтелый антикоммунизм и идея превосходства белой расы. Как и их предшественники, американские фашисты служат наиболее агрессивным кругам монополистического капитала.

Не только коммунисты, но и некоторые лидеры профсоюзов и даже либералы разглядели за внешним различием подлинное лицо фашизма. Во время предвыборной кампании они разъясняли своим сторонникам, что за Голдуотером стоят те же силы, которые в свое время привели к власти Гитлера и Муссолини. Они подчеркивали, что в век термоядерного оружия доморощенные фашисты, как бы они ни кутались в американский флаг, в тысячу раз опаснее для США и для всего человечества, чем штурмовики гитлеровской Германии. Но гораздо чаще от американцев, голосовавших против Голдуотера, можно было услышать другое мнение: сам Голдуотер, заявляли они,— человек неплохой и иногда говорит дело, например, о том, что налоги непомерно велики, что правительство служит не народу, а могущественным банкам восточных штатов, что Вашингтон не принимает эффективных мер против коррупции. Он был бы серьезным соперником Джонсона, если бы не был так легкомыслен во внешнеполитических делах и не относился так безответственно к ядерному оружию.

У различных слоев избирателей были свои особые причины, чтобы голосовать против Голдуотера. Негры видели в нем человека, который голосовал против закона о гражданских правах и вокруг которого сплотились расисты. Профсоюзы не могли забыть, что Голдуотер поддерживал все антирабочие законы. Для жителей бассейна реки Теннесси это был человек, предлагавший продать в частные руки государственные электростанции, снабжающие их дешевой электроэнергией. «Уж лучше мы продадим Аризону»,— говорили они. Но всех их объединял страх, что избрание Голдуотера президентом увеличит риск ядерной войны. И поэтому главный результат выборов — это осуждение подавляющим большинством американцев авантюристической внешней политики «бешеных».

На выборах Голдуотеру было нанесено сокрушительное поражение. За кандидата демократической партии Линдона Джонсона проголосовало 61,3 процента избирателей, за Голдуотера — 38,5 процента. При американской двухпартийной системе это разгром. Достаточно сказать, что за последние сто лет ни один кандидат в президенты ни от одной партии не получал более 61 процента голосов. Большинство американцев обычно голосует за одну из двух буржуазных партий по традиции, как голосовали их отцы и деды. Исход выборов чаще всего зависел от того, какая партия привлечет на свою сторону независимых и колеблющихся, что давало лишь незначительный перевес в голосах. Джон Кеннеди, например, выиграл прошлые выборы большинством в 0,2 процента. В большинстве европейских стран, где традиции не играют такой роли, были поражены не столько масштабами победы Джонсона, сколько тем, что Голдуотер, несмотря на поражение, собрал более 25 миллионов голосов. В Америке же политические обозреватели скорее склонны преуменьшать значение этой внушительной цифры. Они подчеркивают, что большинство людей, голосовавших за Голдуотера, не являются настоящими голдуотеровцами, что эти люди во многом не согласны с лидером правых, но не считают его настолько опасным, чтобы изменить своей «старой великой партии».

Республиканцы потеряли по крайней мере 37 мест в палате представителей конгресса и два места в сенате. Они потерпели поражение на выборах в законодательные органы нескольких штатов, где до сих пор они располагали твердым большинством. Но и эти цифры еще не раскрывают полностью масштабов поражения сторонников Голдуотера. Дело в том, что против натиска демократов устояли только те республиканские кандидаты, которые либо открыто осуждали Голдуотера, либо во время всей предвыборной кампании делали вид, будто они и не слышали о том, что от их партии в президенты баллотируется некий сенатор из Аризоны. К примеру, Ромни, боровшийся на республиканском съезде против выдвижения кандидатуры Голдуотера, был переизбран губернатором штата Мичиган, а Голдуотер потерпел в этом штате полный разгром. Этот факт только подтвердил, что именно выдвижение кандидатуры Голдуотера послужило главной причиной поражения республиканской партии. Откровенные голдуотеровцы всюду были смяты. Отставной голливудский клоун Джордж Мэрфи, избранный сенатором от Калифорнии, составил единственное исключение.

А кандидаты умеренного крыла даже в тех случаях, когда они потерпели поражение, собрали гораздо больше голосов, чем получил в их округах и штатах кандидат в президенты Голдуотер. Сотни местных кандидатов республиканской партии знают, что они оказались за бортом только потому, что их имена были в одном списке с главарем крайне правых.

И профессиональные политики, несомненно, извлекут из этого важнейший политический урок последних выборов: в современной Америке больше нельзя связывать свою политическую судьбу с крайне правой программой во внешней и внутренней политике. Иначе можно оказаться в незавидном положении калифорнийца Роберта Ансета, заключившего пари, что победит Голдуотер. На следующий день после выборов этот почтенный господин на глазах у изумленных жителей Сан-Диего полз на четвереньках полторы мили по шоссе и носом толкал перед собой мячик для игры в гольф. На спине у него был плакат: «Я сделал ставку на Голдуотера...»

Все предвещает жестокую борьбу между голдуотеровцами и умеренными за руководство республиканской партией, которая может затянуться на четыре года. Представители умеренного крыла обвиняют правых в том, что те со своей обскурантистской программой и «неистовым» кандидатом привели партию к катастрофе. Они уже потребовали отставки председателя национального комитета партии ярого голдуотеровца Дина Бэрча. Но голдуотеровцы и не думают сдавать позиции или прикидываться мертвыми. Еще до того, как была подсчитана половина голосов, руководитель избирательной кампании Голдуотера Дэнисон Китчел заявил: «Похоже, что мы проигрываем первый раунд. Нам придется подождать четыре года, но мы своего добьемся».

Когда битый Голдуотер вернулся в Вашингтон, в аэропорту его встречало больше журналистов, чем сторонников. Но те, что пришли, кричали сенатору: «До встречи в 1968 году!»

В нескольких штатах голдуотеровцы предпринимают контратаку против умеренных республиканцев, обвиняя их в том, что они нанесли Голдуотеру удар в спину и являются действительны-

ми виновниками поражения. Сам Голдуотер тоже не собирается добровольно оставить руководство партией. Он заявил, что в январе (когда кончится срок его полномочий в сенате) он «станет безработным» и сможет уделить больше времени реорганизации республиканской партии. Но, по-видимому, он станет безработным и как лидер партии. Американские ультра скорее пожертвуют своим павшим идолом, чем захваченными позициями в партии.

Демократы торжествуют победу. Но и их горизонт не особенно светел. Внутри партии единство обеспечено авторитетом президента, который был укреплен большим успехом на выборах. Но медовому месяцу предвыборного периода, когда на Джонсона работала разношерстная коалиция всех противников Голдуотера, наступил конец. Пришла пора платить по векселям.

Негритянское население голосовало за список Джонсона — Хэмфри с поразительным единодушием. В негритянских гетто процент поданных за демократов голосов был почти неправдоподобным. В Нью-Йорке и Чикаго — 94 процента, в Пенсильвании — 96, в Огайо — 99. В негритянском поселке Маунд-Бейю, в Миссисипи, Голдуотер не получил ни одного голоса. Все 275 избирателей проголосовали за Джонсона. Но именно со стороны этого самого верного союзника на выборах демократы ожидают серьезных неприятностей. Наиболее влиятельные негритянские организации не выступили с официальным одобрением кандидатов демократической партии. Всю кампанию они провели под лозунгом «Разгромить Голдуотера». Теперь они требуют от правительства обещанных решительных мер для проведения в жизнь закона о гражданских правах и прекращения расистского террора на Юге. Мораториум на демонстрации и массовые выступления, объявленный негритянскими организациями на время предвыборной борьбы, отменен.

Несомненно, будет усиливаться давление снизу сторонников подлинного прекращения «холодной войны», которые требуют реализации предвыборных обещаний демократической партии о поисках путей для укрепления мира и ослабления международной напряженности.

Но среди временных союзников демократической партии и в рядах самой партии есть и другие силы. Их не совсем точно называют «пятой колонной» Голдуотера в лагере демократов. Не точно потому, что они не являются сторонниками Голдуотера. Они предпочитают, чтобы голдуотеровская политика балансирования на грани войны проводилась руками более осторожного Джонсона, а не самим Голдуотером, который в любой момент может свалиться за роковую грань. Точку зрения этих кругов выражает, в частности, газетный трест Херста, который во время предвыборной кампании поддерживал Джонсона. Первой акцией этих кругов является поднятая в печати кампания за ускоренное создание «многосторонних ядерных сил».

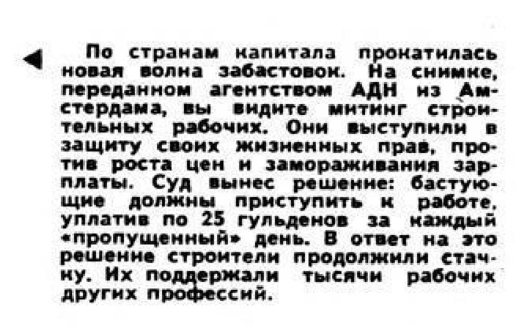
Выборы решили вопрос о власти. Но они не решили всех проблем.

Фото ТАСС, ЮПИ, газеты «Дейли уоркер» и А. Бочинина.

7 ноября, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции, — праздник трудящихся всего мира. Его торжественно отметили на всех континентах. Этот снимок получен из чехословацкого города Брно. Демонстрацией в честь Великого Октября открылся в Чехословацкой Социалистической Республике месячник чехословацко-советской дружбы ▶

◀ По странам капитала прокатилась новая волна забастовок. На снимке, переданном агентством АДН из Амстердама, вы видите митинг строительных рабочих. Они выступили в защиту своих жизненных прав, против роста цен и замораживания зарплаты. Суд вынес решение: бастующие должны приступить к работе, уплатив по 25 гульденов за каждый «пропущенный» день. В ответ на это решение строители продолжили стачку. Их поддержали тысячи рабочих других профессий.

Так выглядела американская военно-воздушная база в Бьен-Хоа, в двенадцати милях от Сайгона, после смелого налета южновьетнамских партизан. Минометным огнем было выведено из строя много американских военных самолетов, в том числе двадцать реактивных. С какими мыслями разглядывают американские солдаты дымящиеся обломки машин? Быть может, они задумались над тем, во имя чего их прислали сражаться и умирать в чужую страну, народ которой хочет лишь одного — свободы. ▶

▲

По установившейся традиции каждый год по окончании футбольного сезона редакция журнала «Огонек» вручает учрежденный ею приз лучшему вратарю года. Наш приз завоевывали Лев Яшин (дважды), Владимир Маслаченко, Сергей Котрикадзе.

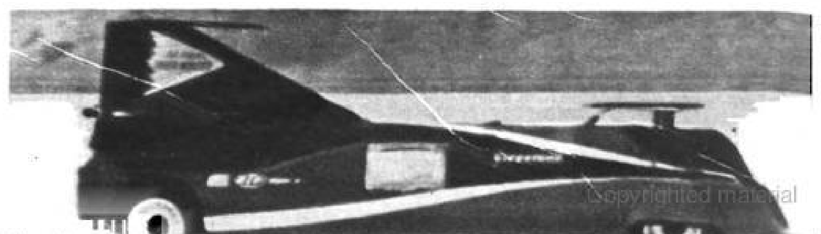
В нынешнем году лучшим вратарем сезона редакция признала двадцатишестилетнего Виктора Банникова из киевского «Динамо». Это — новое имя для нашего футбола. Молодой вратарь впервые в течение всего сезона выступал за основной состав мастеров киевского «Динамо» и продемонстрировал ровную и уверенную игру.

Виктор Банников включен в состав сборной команды страны.

Расисты Южно-Африканской Республики снова запятнали себя преступлением. В Претории 6 ноября были повешены три борца против апартеида, руководители запрещенной в ЮАР партии Африканский Национальный Конгресс Вунсиле Минн, Вильсон Каинга и Зинакиле Каба. Из многих стран мира приходили в ЮАР требования не допустить расправы. Но злодейство совершилось. На нашем снимке — одна из жертв, В. Минн. Он был руководителем профсоюза докеров. Его арестовали еще в 1956 году и с тех пор держали в застенках Фервурда. ▶

«Зеленое чудовище» — так назвал свою машину американский гонщик Арт Эрфонс. Он установил на ней новый мировой рекорд скорости — 536,71 мили в час. ▶

ВЕС МЕДАЛИ

Борис ЧЕРНЫШЕВ

Вес каждой олимпийской медали абсолютно одинаков и выражен в точном количестве золотых граммов. И все-таки как хотите, а есть медали, которые весят чуть-чуть больше...

О Галине Прозуменщиковой мы услышали впервые в январе 1962 года, когда из Севастополя пришло сообщение о том, что она установила всесоюзный рекорд среди девушек на дистанции 100 метров брассом. Ей было тогда 13 лет. А вскоре мы увидели юную рекордсменку в Москве. Елена Лукьяновна Алексеенко вместе со своей ученицей приехала на соревнования пловцов Вооруженных Сил. Отец Гали — военный моряк. Рослая, с большой косой, очень крепкая для своих лет, Галя Прозуменщикова произвела на всех хорошее впечатление. Она плыла так уверенно, как будто держаться на воде научилась раньше, чем ходить. Так, между прочим, начинается биография большинства олимпийских чемпионов, но Прозуменщикова не подходит под этот стандарт. Она научилась плавать только в 12 лет, в бассейне, хотя родилась и выросла у моря. Что же касается рекорда, то он, оказывается, был установлен походя, без малейшей специальной подготовки. «Без форсирования», как говорят специалисты.

Дебют Гали на всесоюзной арене оказался прямо-таки триумфальным: она выиграла приз газеты «Комсомольская правда» среди взрослых, и тогда-то всем стало ясно, что девочка обладает замечательным спортивным дарованием. Но сумеет ли она твердо встать на ноги к Олимпиаде в Токио? Ведь Галя успешно выступает на стометровой дистанции, а олимпийская классическая дистанция в два раза длиннее!

Я думаю, что не умалю заслуг Елены Лукьяновны Алексеенко, если скажу, что большую роль в дальнейшей спортивной судьбе Прозуменщиковой сыграл старший тренер сборной СССР К. А. Инясевский. Несмотря на то, что Галя на чемпионате страны заняла только третье место, он включил ее в состав команды, выступавшей на первенстве Европы, и Галя Прозуменщикова начала накапливать опыт, без которого она вряд ли сумела бы постоять за себя в Токио.

Итак, уже с 13 лет Прозуменщикова попала в самую гущу спортивных баталий. Но можно ли всерьез говорить о том, что в таком возрасте юный спортсмен способен противостоять своим взрослым опытным соперникам? А почему бы и нет? Совсем недавно в одной из газет была опубликована статья, авторы которой очень убедительно доказывали, что современные дети по уровню развития значительно превосходят своих сверстников предыдущих поколений. В связи с этим авторы выдвигали предложение о более ранних сроках начала школьного воспитания. Но если в педагогике этот вопрос еще остается дискуссионным, то в спорте, в частности в плавании, он уже практически решен в пользу ребят.

Большой школой для Гали были старты на Спартакиаде народов СССР в прошлом году, а затем и интересная поездка на предолимпийскую репетицию в Токио. Галя завоевала тогда не только две золотые медали, но и симпатии японских зрителей. Когда молодая спортсменка снова приехала в Токио, японские журналисты дружно предсказывали ей победу, хотя им было хорошо известно, что всего два месяца назад она перенесла операцию аппендицита. Их не смутил даже проигрыш Прозуменщиковой в предварительном заплыве. А через день после финала крупное издательство «Майничи ньюспейперс» выпустило открытку с цветной фотографией Прозуменщиковой.

Но я слишком забежал вперед. В промежутке между двумя визитами в Токио был целый год. Он был условно разделен на два тренировочных цикла — весенний и осенний. Весна принесла Гале много радости. 11 апреля в 55-ярдовом бассейне английского города Блекпула она преодолела 220 ярдов брассом за 2 минуты 47,7 секунды и установила сразу два мировых рекорда, ибо так быстро до сих пор никто не плавал и 200 метров. В этот день Галю назвали брассисткой номер один. А месяц спустя в Берлине она подтвердила это звание, подняв потолок рекорда на 200 метров до 2 минут 45,4 секунды.

Когда после заплыва в Блекпуле Галю поздравляли с новыми мировыми рекордами, она искренне сказала, что могла бы проплыть еще быстрее, если бы соперницы были рядом. Но тогда с ней никто не мог тягаться. Однако долго Гале скучать не пришлось. В Берлине ей едва удалось «уплыть» от своей подруги по команде Светланы Бабаниной, которая также улучшила прежний мировой рекорд. Трудно сказать, как бы проходила борьба за первенство между девушками, если бы в их спор не вмешался случай.

Операция аппендицита у Гали все смешала. На чемпионате страны в сентябре обе дистанции брассом выиграла Бабанина, установившая, кстати, мировой рекорд на 100 метров. Прозуменщикова оба раза финишировала второй. Но на вопрос: «Кто же победит в Токио?» — подруги дружно говорили: «Мы обе будем счастливы, если выиграет любая из нас». До стартов на Олимпиаде Галя успела восстановить свою лучшую форму. И очень своевременно, так как Бабанина, хорошо выступившая в предварительном заплыве, в финале не выдержала напряжения борьбы и проиграла американке К. Колб.

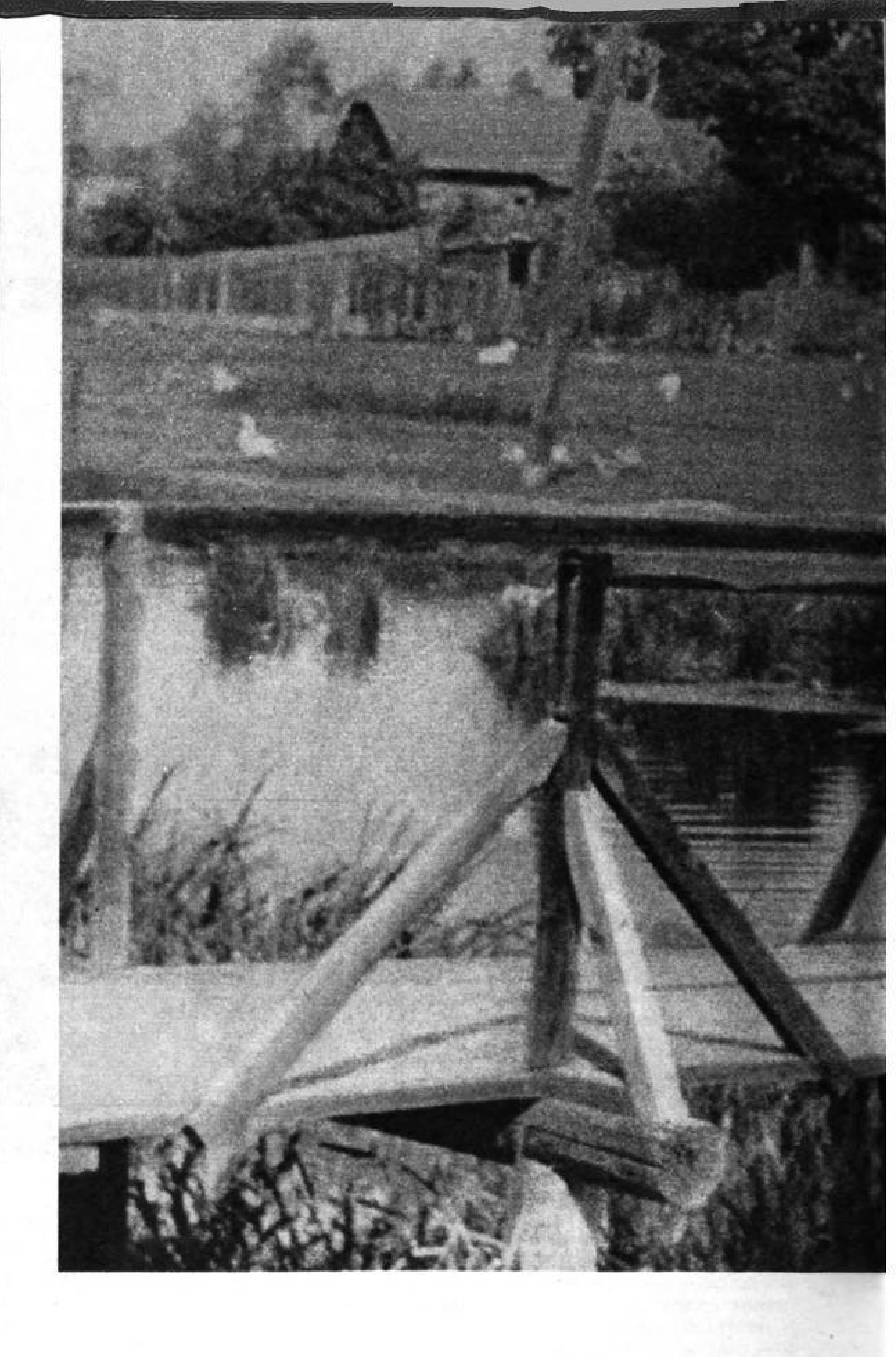
По установленному на Олимпиаде порядку сразу после церемонии награждения победителей отдавали на «растерзание» журналистам. Мне не приходилось прежде видеть Галю такой оживленной. Лишь однажды она была почти в таком же приподнятом настроении. Это было в начале лета в международном лагере «Спутник» около Сочи. Галя только что закончила восьмой класс и радовалась наступившим каникулам. Видимо, этот школьный год был у нее особенно трудным. Я спросил Галю об этом, и она ответила утвердительно. «Весной мне часто приходилось выступать на соревнованиях, и я чуть было не отстала от своих школьных товарищей. Чтобы догнать их, я иногда пропускала занятия в бассейне. А это для меня — самое неприятное».

Внешне Галя выглядит чуть-чуть грузной для своих пятнадцати лет. Но такое впечатление создается потому, что в жизни она нетороплива, даже, пожалуй, немного медлительна. Но в воде она преображается.

— Смогли бы вы победить Прозуменщикову, если бы можно было повторить финальный заплыв? — Такой вопрос задал американский журналист своей соотечественнице К. Колб, получившей серебряную награду на дистанции 200 метров.

— Нет, это невозможно,— откровенно призналась Колб.

Я думаю, что этот ответ не нуждается в комментариях.

Есть

Р. ЛИХАЧ, Н. ТАРАСЕНКОВА

— Карабаново, Карабаново! А что вы забыли в этом городе? Зачем сюда приехали? Скучно у нас. Правда, девчата наши хорошо одеваются, на это грех жаловаться. Вы не смотрите, что я в юбке старой да в свитере. Это я за грибами в лес ходила. Грибов у нас тьма. А вот парней мало. Я часто думаю: хоть бы завод у нас какой построили, чтобы ребята к нам понаехали! В свободные вечера в Дом культуры ходим. Артисты к нам приезжают. Драмкружок пьесу показывал. Всем понравилось. А теперь когда на новую пригласят, не знаю.

Да что это я разболталась!.. Может, не то рассказываю. Вы на нашем комбинате побывайте, других послушайте, город посмотрите.

Вот мы и решили воспользоваться советом нашей первой знакомой.

Город Карабаново зеленый. Улицы вразлет. Будоражат тишину пронзительные, отчаянные гудки паровозов. Железное полотно делит город надвое. По одну сторону — новый, строящийся. По другую — старый. Здесь корпуса хлопчатобумажного комбината. Из окон цеха видны луга и лес. А за техникумом и ФЗУ течет ленивая река Серая. На другом берегу — гора Степновская. Стоят на ней деревянные дома, смотрят свысока.

В прядильный цех мы пришли, когда закончилась смена. Девчонки веселые, торопливые. Не поговоришь с ними: кто в техникум спешит, кто в школу рабочей молодежи. На ходу кричит нам Оля Колесник:

— А вы в Дом культуры приходите, завтра все кружки начинают работать! Там обо всем и поговорим!

* * *

Ольга Колесник — калужская. Приехала она в Карабаново с двумя подругами. Жила в общежитии, пока не вышла замуж за помощника мастера Егорова.

В общежитии ее девчонки почти никогда не видели.

Забежит после смены, переоденется.

— Ольга, ты куда?

— На стадион тренироваться. У нас ведь скоро соревнования.

Или:

— В Дом культуры. Новый танец разучиваем. Еще надо в хоровой успеть.

— Ольга, может, ты артистка, а не съемщица прядильного цеха?

— И то и другое.

— Ольга, сделай прическу.

— Девчонки, некогда. Смотрите, сама как хожу. Сегодня всей бригадой в колхоз едем выступать.

— Не понимаю, когда девчонки

такой городок Карабаново...

наши на скуку жалуются,— говорит Оля.— По-моему, каждый своей скуке и своему веселью хозяин. Мы вот с Верой Шантариной уехали домой в отпуск, а думали: скорей бы в Карабаново!

— Приехали почему сюда? Смеяться будете. Не поверите. Нам девочки письмо написали, что очень красиво в Карабанове. Возле пруда сфотографировались и эту фотографию прислали. Вот мы на этот пруд и клюнули. И не жалеем. Работа нравится.

Вы посмотрите, когда смена кончается. Девчонки по Карабанову идут. Они ведь наших женщин в красивые ткани одевают. И даже женщин других стран. Недавно в Индонезию наш ситец отправляли. А всего наш комбинат за сутки знаете сколько тканей выпускает? Шестьсот пятьдесят тысяч метров. Это все-таки что-нибудь да значит!

* * *

В комнате № 15 тринадцатого общежития живут семь девушек. Ходят вместе в кино, делают друг другу подарки ко дню рождения. Никаких споров, никаких разногласий. Весело праздновали день рождения Ольги Линник, подарили ей гуттаперчевого зайца, похожего на кота.

Все было спокойно и хорошо до тех пор, пока не узнали, что Оля поступила на заочное отделение сельскохозяйственного техникума. Никто не мог понять Олю. Стоило сюда приезжать с Украины! Стоило кончать ФЗУ!..

Галя Низовец — белоруска. Глаза у нее зеленые, задумчивые. Работает ткачихой.

— Нет, девочки,— тихо говорит она,— даже если уеду к себе в Белоруссию, все равно поступлю на ткацкую фабрику.

— К каждой работе можно привыкнуть.— У Шуры Лукьяновой голос громкий, и поэтому кажется, что она кричит на Олю Линник.— Вот жили у себя в деревне, думали, лучше нет. Теперь в Карабанове живем. Тоже привыкли.

— Так это и не так,— отвечает Оля.— Я вот только здесь поняла, что не нужны мне никакие города. Хочу работать в поле, у себя в колхозе. Мама мне говорит: «Странная ты. Все, дочка, в город едут, а тебя назад в деревню тянет». Антонина Павловна долго со мной беседовала, прежде чем характеристику подписать. «Ты,— говорит,— все-таки давай в наш текстильный техникум поступай». «Я документы уже давно в сельскохозяйственный Роменский подала». «Это просто исправить. Я сейчас в текстильный позвоню. Тебя зачислят. А потом документы перешлют. Ты ведь работник хороший...» Никто меня так понять и не может. А я только и мечтаю: закончу техникум — уеду в колхоз. Сначала звеньевой стану работать. Практика ведь у меня еще маленькая. Согласитесь: такую профессию надо выбрать, чтоб на всю жизнь. А я твердо решила: буду агрономом!

* * *

Живет Антонина Павловна Горшкова в уютном деревянном доме на тихой зеленой улице. Вдоль забора рябина. Гроздья сочные, яркие.

Сегодня воскресенье. К дочери пришли гости. И Антонина Павловна помогала Тане хозяйничать. А потом в саду решила поработать. Пройдет еще несколько лет, и сможет она целыми днями возиться в саду. Пенсия. Отдых. А она больше всего боится этого дня.

Вся жизнь ее связана с комбинатом. Пришла в прядильный цех из детдома. Только пятнадцать исполнилось. Вскоре учиться послали в текстильный техникум. Работала на «Трехгорке». И снова вернулась в Карабаново.

И вот сейчас — начальник прядильного цеха. Восемьсот тридцать человек у нее. Каждый год принимает новое пополнение. И кажется, совсем недавно пришла к ней Люся Печенкова, бывшая Булкина, как, смеясь, называют ее девчонки.

Люся — бригадир. И бригада ее одна из лучших. Тянутся к Люсе люди. Она заботливая. Недавно у одной девушки руки заболели, так вся бригада по очереди ходила к ней домой: стирали, готовили обед. Девчонки печенковские друг за друга горой стоят.

...Из дома смех слышен. Сегодня собрались подруги, товарищи Тани. Все с текстильного комбината. Смена! Таня тоже в этом году техникум окончила, работает в лаборатории. А сын у Антонины Павловны — летчик. Только в гости приезжает в Карабаново.

— Мама, куда ты пропала?— кричит Таня.— Тебя ждем!

Ольга Колесник.

ЧЕТВЕРО
НА ГОЛОМ ОСТ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

А у шефа не было жены.

Жена у Юрия Викентьевича, правда, когда-то была, этакая миловидная, румяная, сочная и терпкая, как брусничка. Она была женщиной рассудительной, достойной и при этом несколько инфантильной. Ужиться он с ней не сумел, как ни старался. Она все-таки оставалась себе на уме. Она требовала своего, заявляла разные, ею же придуманные супружеские права, а Юрий Викентьевич рассматривал брак как содружество равных и диктата не терпел. Он говорил: «Я геолог, я не могу сидеть дома в качестве бесплатного к тебе приложения». Она же отвечала: «Ты муж, и ты должен заботиться о доме, о семье, и знать я больше ничего не желаю». Может, она даже изменяла ему — в последние годы у него появились причины подозревать ее.

Смешно сказать, но разногласия начались, когда получили квартиру, приобрели ослепительно-лакированный гарнитур, несколько, правда, роскошный и дорогой по нынешним временам всеупрощающего модерна. В образе поведения Юрия Викентьевича от этого ровно ничего не изменилось, он не остепенился, не стал примерным домоседом; на жену же благоустроенный угол и сверкающие блики на благоприобретенной мебели подействовали магически...

Окончание. См. «Огонек» №№ 43, 44, 45, 46.

Он оставил ей все это. Пусть пользуется, пусть живет.

С той поры знакомств с женщинами он избегал, сколько это было возможно, держался в шумных компаниях отчужденно, выглядел бирюком. Вдобавок ему казалось, что его внешность не может вызвать симпатии у особы, которая чем-либо приглянулась бы ему самому.

Юрий Викентьевич выглянул из палатки. Погода не установилась: временами показывалось солнце, но тут же наплывал от студеной воды моросящий дождь.

Станислав тщился отстирать поплиновую рубашку, на которой после ходьбы в дождь отпечатался узор пуловера.

К своему удивлению, шеф не обнаружил на рубашке пятен, когда Станислав повесил ее сушить.

— Чем же это вы ее оттерли?

— Пургеном,— засмеялся Станислав.— Пургеном из аптечки. Отлично отстирывает. Там, кажется, еще синестрол есть. Нужно пробовать синестролом.

Шеф пожал плечами.

— Откуда попал в нашу аптечку синестрол, для каких он нам, собственно говоря, надобностей?.. Соли там, кстати, в таблетках нет?.. Презренного натрия хлора?..

— Натрия хлора нет,— ответил Станислав.— А синестрол пожалуйста. Кстати, шеф, куда это чуть свет улепетнул наш землепроходец и бузотер? Наш Витька?..

— Не знаю,— сказал шеф.— Видимо, бродит по окрестностям, что-то ищет.

— Золото ищет,— хмыкнул Станислав.

Шеф пожал плечами.

— Что ж. Случается и так. Честь и хвала счастливчику.

Витька действительно что-то искал, чем-то был увлечен. Для шефа же остров являлся книгой, в которой все страницы вызубрены от слова до слова. В смысле геологическом остров для него загадок не представлял. Старая вулканическая развалюха! Вся трагическая нелепость обстоятельств, в которые их угораздило попасть, как раз и обусловливалась отсутствием настоящего дела. А то шеф и горюшка бы не знал.

Для него прожитый здесь месяц оказался совершенно непредвиденным отдыхом. Жаль, что он к нему заранее не подготовился. Хотя бы какую-нибудь беллетристику захватил с собой или шахматы. Ну, шахматы можно будет из дерева вырезать, только и всего. Станислав — мастер на все руки.

А между тем шеф едва ли помнил времена полного и безмятежного отдыха, кроме одного случая. Было это давно где-то на Северном Кавказе. Взяли они с женой (с «брусничкой») палатку, рюкзаки и ушли из города, в котором отдыхали у жениных родителей. Направились вверх по небольшой речке Псекупс, через редко стоящие адыгейские селения, до первой поляны на берегу, которая обоим пришлась бы по вкусу. Река текла тихо, вода была густо-зеленой, плыл по ней обильный вербный пух... Отойдя километров пятнадцать от города, остановились, энергично уничтожили обитавших близ берега серых гадюк и натяну-

Леонид ПАСЕНЮК

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

ЭОВЕ

ли палатку. Началась библейски неторопливая жизнь. Вербы, густо поникшие в Псекупс ветвями, и впрямь походили на библейски курчавых, кающихся старцев; не было ни скальных выходов, в которых нужно прослеживать условия залегания какой-нибудь кристаллической жилы, ни пестрых горизонтов, осыпающихся под ударами молотка. Если и была работа, так разве только ужение пескарей и плотвы.

С тех пор шеф не знал таких минут полного отдохновения и отвлеченности от всех забот да уже и не искал их. Он вошел в ритм своей беспокойной профессии, почувствовал настоящий ее вкус, полюбил поле и презрительно называл городских коллег, насиживающих в конторах и камералках мозоли на известном месте, «геморройными геологами».

Но здесь в повестке дня появились другие заботы.

Вот Станислав — ярый индивидуалист! Но обижается, если даже вскользь намекнешь ему об этом. Он считает себя рубахой-парнем, примером выдержки и мужества.

— Увы, увы... Мужества, быть может, ему не занимать, а вот с выдержкой плоховато.

Ах, эти тонкие натуры, познавшие искусство от критских статуй до Поллака, для которых «Неизвестная» Крамского уже только раскрашенная кукла! Ах, черт побери!.. В общем-то он неплохой парень, только не нужно ему без конца набивать самому себе цену. В общем-то он знающий дело человек, таким всегда нет цены в кочевой жизни, и сейчас положа руку на сердце шеф не хотел бы остаться здесь без Станислава. В общем-то и его недостатки активны, шумны — товар, так сказать, лицом. От них при желании легко себя оградить.

А вот кто такой Егорчик, Миша Егорчик, его коллектор? Незаметная, серая личность. Что-то все жует и жует. Что здесь можно жевать, между прочим?.. С ним нужно быть жестче, а?

Много думалось в эти дни. Много и обо всем подряд. То о женщинах, которые не стали женами,— как знать, к добру или не к добру,— то о недругах, которых хотелось бы видеть друзьями, то о жизни дальнейшей, о жизни вот здесь, под этим набрякшим небом.

Вечером Юрий Викентьевич заметил мигающий светлячок, прошедший где-то высоко-высоко по своей межзвездной орбите.

— Кто там «летающее блюдце» высматривал? — спросил он.— Вон, похоже, спутник пролетел... Однако глупо, что во времена спутников и космических полетов существуют на земле необитаемые острова!

Настроив себя на особый лад, шеф посетовал, что давно не слышал настоящей музыки — нет, не вашего Эллингтона — Баха, а?.. Покрутить бы несколько арий Шаляпина, Собинова — это как очищение от грехов, именно, именно...

Ночью забарабанил по тенту над палаткой дождь; вон он уже стал секущим, пробойным, как гвозди, а вот и рухнул на землю потопом, будто прорвалось небо. Море угрожающе зарокотало. Бешеные порывы ветра трепали палатку почем зря.

«Не устоит»,— подумал шеф угрюмо, на миг представив себя раздетым, во власти тайфунного ливня; торопливо зажег свечу, которую обычно строго экономил.

Витька надевал на себя все, что нащупывал под руками, впопыхах засовывал в рюкзак разбросанные вещи.

Иногда ветер как бы стихал и отпрядывал, но потом его таранно бьющие удары обрушивались на палатку с новой силой. Похоже, что сорвало тент, и вода теперь протекала по швам, бисерно проступала сквозь парусину. Слышно было, как вздрагивают и, подобно звенящим струнам, натягивают веревочные оттяжки палатки.

— Придется закрепить,— сказал шеф.— А то сорвет.

Его то и дело накрывало ослабевшим полотнищем, и он зябко поеживался. Сверху на голову лилось уже ручьем.

— Бесполезно. Промокнешь в момент, а закрепить толком не закрепишь,— покачал головой Станислав.— Все равно вырвет с мясом. Давайте уж лучше понадеемся на судьбу.

Вверху, у разрушенного кратера, что-то громоподобно ухало, в ущельях барабанно грохотала вода, ворочая камни. И вдруг хлестко, со свистом лопнули оттяжки, палаточная крыша упала, свеча погасла. Воцарился мрак.

— Ну вот, дождались,— сказал шеф с досадой.— Что же теперь будем делать?

— Как-нибудь переживем,— беспечно отозвался Станислав; у него было завидное состояние духа, будто ничего не произошло — так, налетел какой-то грибной дождичек.— Понадеемся, что если нас и унесет, то вместе с палаткой.

Все-таки шеф выбрался наружу. Он попытался что-то там связать, но безуспешно.

— Вам помочь? — тоненько спросил Витька: он уже заранее дрожал.

— Не нужно! — прокричал снаружи шеф.— А вообще следует вот что... следует всем выбраться, и давайте усядемся где-нибудь под защитой скалы. Палатку с барахлом оттащим туда юзом. Ну, как?!

— Ерунда,— сказал Станислав.— Один ведь черт.

Но его кое-как уломали.

Остаток ночи сидели спина к спине и стучали зубами от озноба, пока к утру Станислав, воистину маг и чародей, не разжег в затишке костра. Он исступленно возился с ним часа два кряду. Наконец ему удалось закрыть собой и высушить собственным дыханием несколько щепочек. Воспламенившись, они мало-помалу дали начало тому гигантскому костру, которому даже тайфун с его ливнем оказался не страшен. Именно потому, что он к тому времени уже умчался дальше, в просторы океана, к другим, более благословенным землям.

К утру облачность еще не разошлась. Было пасмурно.

— Море сегодня — сепия,— сказал, возвратившись с берега, Витька.— Будто тысячи осьминогов, испугавшись тайфуна, выпустили свои чернила. Вода черная, неласковая.

— Плевать,— сказал Станислав,— плевать, ничего не страшно, когда есть огонь.

Шеф заулыбался.

— Если убрать из вашей жизни огонь, что-нибудь еще останется?

Шеф вдруг заговорил бог знает о чем: о тех временах, когда люди каким-то образом обходились без огня, о тех временах, когда природа возникновения тепла была им еще неизвестна, когда они еще не научились добывать его посредством трения дерева о дерево или удара камня о камень.

У айнов, населявших когда-то Курилы, разумеется, был огонь; но жили они, в общем, незавидно: питались мясом морского зверя, птицей и при всей скудности такого меню даже рыбой пренебрегали.

— Нам совсем просто и легко здесь будет, если мы привыкнем смотреть на мир безыскусными глазами айнов,— медленно, с легкой грустью проговорил шеф.— И задним числом позаимствуем у них опыт приобщения к здешней чудо-природе. Одежду, например, они делали из птичьих шкур, сшитых сухожилиями сивуча, перьями внутрь. Как видите, сырьевой базой для пошива такой одежды мы тоже располагаем. Сверху мы ее можем, опять-таки по примеру айнов, украсить клювами кайр и морских попугаев, разными блестящими перьями, а окантовочку дать из узких полосок меха. Затем парки, надевающиеся через голову,— нечто вроде зимнего комбинезона, а?.. Подпоясавшись ремнем из сивучьей шкуры, за пазуху такой парки можно складывать что угодно, как в рюкзак: жестянку с порохом, чай, сахар, вареный рис, мясо, какую-нибудь одежонку про запас. Нередко айны туда же складывали яйца морских птиц. Увы, иногда получалась яичница.

— Богатая перспектива,— буркнул Станислав.

— Лучше, чем ничего,— засмеялся Витька.— Ставлю десять против одного, что вы наизусть знаете книжечку Сноу, раз так подробно описали эту картину... насчет айнов...

— Вчера некоторые места перечитывал,— сознался шеф.— Книжка в смысле отдельных подробностей весьма ценная. А вообще, товарищи, у нас нет пока основательных резонов жаловаться на жизнь, а? Стихия, которая нас окружает довольно, я бы сказал, плотно, она пока... она пока сентиментальна, а?

Рядом тихо посапывал и клевал носом Миша Егорчик. Шеф взглянул на него недоуменно и неприязненно: коллектор его все больше разочаровывал. Вдруг Егорчик встрепенулся и посмотрел на всех мутными глазами.

— А?..— сказал он.

— Да нет, ничего,— успокоил его шеф.— Хотя скажите, кстати, как у вас проходит жизнь в эти последние дни? Как самочувствие?

— А что? — поспешно спросил Егорчик.— Я ведь ни на что не жалуюсь.

— Какой труд вы так усиленно штудируете?

— Книгу из вашей библиотечки — «Петрография метаморфических пород».

Станислав и Витька с любопытством прислушивались к неожиданному диалогу.

— Ага, так-так,— как будто обрадованно сказал шеф.— Только не держите ее подобным образом, вам трудно будет разобраться, что в ней к чему. Она у вас кверху ногами.

Не краснея и не волнуясь, Егорчик перевернул книгу.

— Хотя у вас и высшее образование,— сказал шеф, и в голосе его помимо желания пробилась досада,— этот труд покажется вам в кое-каких местах скучноватым и непонятным. Не стесняйтесь спрашивать, Миша.

Егорчик молчал.

— И, знаете, мне все-таки не нравится ваше лицо. Я что-то не пойму, похудели вы или поправились. В любом случае кожа у вас как-то болезненно блестит.

— Ничего не блестит, я здоров,— сказал Егорчик.

— Было бы скверно, если бы вы заболели. Я не уверен, что в нашей аптечке остался хотя бы кальцекс, не говоря уже о пенициллине. Станислав без зазрения совести безответственно использует все белые таблетки в качестве мыла. Он пижон, конечно, да нам от этого ничуть не легче.

Впервые за многие дни Станислав захохотал.

— Даю слово, шеф, я больше не трону ни одного вашего снадобья, кроме синестрола. Синестрол нам ни к чему. И вообще достаточно трепа. Пойдем устанавливать палатку.

Шеф между тем продолжал размышлять о Егорчике. Что за человек такой? И чего от него можно ожидать впоследствии? Аморфность Егорчика шефа огорчала. Не лицо, конечно. Ничуть оно болезненно не блестело, скорее лоснилось от жира: Егорчик отъедался на сивучах. Егорчик действительно поправился, прибавил в весе. Но, между прочим, и для сивучей писаны свои законы: скоро они уплывут в более теплые воды.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Ночью Витька плохо спал — мешали песчаные блохи, которых под каждым камнем на берегу гнездилось бессчетно. Они проникали и в палатку, в спальные мешки, их пружинистые комочки льдисто касались лица, рук, прыгали где-то у ног... Блохи не кусались, но их прикосновения были неприятны.

Витька проснулся рано.

В лагере не было мяса, которым только и живы были сейчас все, да и стоило бы сходить в гору за питьевой водой: запас иссяк...

Витька умылся на берегу. Ополаскивая палец, старательно протер, почистил им зубы: признаться, он побаивался цинги; на других

островах, которые поюжнее, растет хоть шиповник, здесь же водянистая шикша — и та не вызревает.

Разжег костер.

Тем временем поднялись Станислав и шеф.

Витька возвратился в палатку, чтобы взять у Егорчика ружье, и долго с чувством застарелой неприязни смотрел на него на спящего: по лицу Егорчика шустро семенили песчаные блохи. Вот еще, между прочим, одна из статей пропитания. Тот же Егорчик рассказывал, что студентом ходил однажды с ребятами в ресторан «Пекин» специально отведать китайской кухни. Им подали в числе других блюд также и вареных песчаных блох. Егорчик утверждал, что блохи имели вкус раков.

— Миша, ты наконец поднимешь свои кости?

— Чего тебе? — хрипло спросил тот.

— Подними кости, говорю. Довольно валяться. Сходим на лежбище, что ли. А то мне одному не управиться.

Егорчик никогда не спорил с Юрием Викентьевичем, и вид у него был униженный, когда тот его отчитывал. Егорчик прямо-таки побаивался Станислава, и вид у него был злобно-затаенный, когда тот обрушивался на горе-коллектора со всей силой своего ехидного сарказма. Но Егорчик презирал Витьку.

Егорчик, как и всякий мстительный и низкий в помыслах человек, знал, что презирать Витьку безопасно, что он даже физически угрожать ему не может, и пользовался этим преимуществом. Недаром Витька инстинктивно чувствовал в нем своего врага. На всякий случай, в целях самозащиты, он говорил с ним грубо.

Егорчик отвернулся и тут же всхрапнул.

Мясо он любил. Но на промысел мог пойти только из-под палки.

Отказавшись от первоначального намерения спуститься на лежбище, Витька пошел бродить куда глаза глядят.

К полудню, пройдя по берегу далеко за японскую шхуну, Витька уткнулся в непропуск — такой высокий, что на него не хотелось взбираться. Он наклонился, заметив в воде, мелкой после отлива, кое-какую фауну и флору, как сказал бы Станислав. Пленка воды над дремуче-зелеными тюрбанчиками ежей, над гуттаперчевыми ярко-оранжевыми розетками актиний, как добрая оптика, увеличивала их подробности — иголочки, и щупальца, и крошечные зевы разверстых балянусов.

Витька залюбовался этим естественным аквариумом, но вскоре его отвлекло нечто другое — прозрачно-белая, местами с розоватинкой жила, энергично, как по линейке, рассекающая под водой нетронуто-литую, без трещин, плиту скальной породы.

В жиле что-то привлекательно для сердца, щекотно для глаз поблескивало — сердцу сразу стало беспокойно, а глазам горячо.

«Золото! — промелькнуло в голове.— Золото! Ведь Юрий Викентьевич говорил, что именно в кварцевых жилах... Ах, он говорил совсем не то. Он говорил, что... Нет, вполне может быть, что это золото!»

Витька кое-как сумел отбить заостренной галькой кусок жилы, слезой блеснувшей на изломе.

Окрыленный находкой, он добрался в лагерь за час или полтора, едва ли не с разбегу преодолевая непропуски. Он чуть было шею не свернул себе, наступив вместо каменной приступки на чаячье гнездо. Хорошо, что, сорвавшись, он смог удержаться на руках и подтянулся до зазубрины в скале.

Юрий Викентьевич долго изучал сколок.

— Где вы обнаружили жилу?

— Там, далеко за шхуной.

— Угу. Мне знакомы те места. Но я не встречал... нет, я не встречал ничего подобного. Поди же ты... жила!

— Она в воде.

— Ах, в воде...

Подошел Станислав.

— Никак золото? — спросил он, не пряча ехидства.

— Нет, не золото,— ответил шеф.— Это кварцевая жила с включениями пирита. Лучше сказать, кварцево-пиритовая жила. Сам по себе пирит не представляет ценности, но в таких жилах может быть олово, которое невооруженным глазом не различишь; нужно соответствующее увеличение.

«Все-таки, может быть, олово! — возликовал Витька.— Все-таки эти камни не совсем бесплодны: в них что-то таится!»

Он с удовлетворением проследил за тем, как Юрий Викентьевич прячет образец в кармашек рюкзака.

— Спасибо, Виктор. Мы это дело выясним в Петропавловске — насчет олова.

Но вечером Витьке захотелось еще раз взглянуть на сколок; он тайком, чтобы не заметил шеф, открыл кармашек его рюкзака и... и увидел рядом со своей находкой точно такой же образец покрупнее, отбитый молотком более искусно: на нем белела этикетка с поисковыми данными.

У Витьки опустились руки: Юрий Викентьевич не захотел его огорчать, а у него уже давно был образец той жилы. Наверное, она ничем не примечательна, иначе Юрий Викентьевич сам заговорил бы о ней.

Первым побуждением Витьки было выбросить свой сколок, швырнуть его куда подальше — в море, чтобы и следов не найти. Но уже подняв было руку, он медленно опустил ее. Не стоило выбрасывать сколок. Пусть шеф не догадывается. Пусть он думает, что у Витьки прекрасное настроение, что он прямо цветет и мечтает о разработках, которые здесь вскоре начнутся, о поселке, который назовут его, Витькиным, именем. Пусть Юрий Викентьевич потешится и посмеется над его неопытностью и наивностью.

Хотя Юрий Викентьевич мог бы ему и прямо сказать — пусть не золото, пусть не олово. Витька и не такое перенес бы. За кого в конечном счете они все его здесь принимают?

Однако неудача его не обескуражила. Уже на следующее утро он опять пошел бродить по берегу: если и не олово, то что-то всегда можно найти. Какие-то обломки. Даже вот шхуну с пробитым корпусом. Или плот, представляющий собою шесть порожних железных бочек из-под горючего, скрепленных бревнами,— только подумать, неужели кто-то на таком неуютном сооружении спасался в беду?!.

Витька долго с изумлением рассматривал вросшие в берег, засосанные мелкой галькой бочки. Давно прибило сюда этот плот. Может, лет десять назад.

Витька не терял еще надежды обнаружить на острове хоть какой-нибудь ягодник. Он стал подниматься в гору, к горловине кратера, укутанного низкой облачностью. В тундре в зачаточном состоянии выпрастывались из-под земли лопушистые листья шеломайника, росла высокая трава с осыпающимися метелками, гибко прогибались под ногами влажные мшисто-лишайниковые пласты, похожие на войлок. Пышно распустился какой-то репейник.

Истошно кричали над Витькой чайки. Они бесцветно проносились рядом, едва не касаясь его крыльями.

Пух и перья летали над здешней микротундрой. Яичная скорлупа устилала щебнистые обрывы. Пищали в расселинах птенцы. Не было тишины, воздух сотрясался от крика. Все живое неумолчно славило жизнь.

Витька шел в гору, ступая по выемкам, образованным птичьими гнездами, как по лестничному маршу, и бывало даже так, что очередное гнездо оказывалось на уровне его лица. Горбоклювые чайки остро следили за ним, прикидывая на глаз расстояние, после которого наглого пришельца необходимо остановить. Сидя на яйцах, они готовы были защищать их не на живот, а на смерть. Тихоокеанские глупыши, стоило только невзначай к ним приблизиться, с клекотом выбрасывали нутряную кровавую жидкость. Она пахла дурно и предназначалась для устрашения противников. Боялись ее хищники или нет, трудно сказать.

Витьке нравились гнезда топорков, иногда напоминающие уютные логова и пещерки, выдолбленные в скальном грунте. Иногда они были настолько аккуратны и уютны, что лично Витька не отказался бы от такого комфортабельного, тепло выстланного травой и пухом жилища.

Он обернулся, посмотрел на море. За непропуском, в береговом затишке, вода лежала тихо и смирно. Казалось, что она идеально выглажена и даже как бы слегка хрустит от свежести и крахмала.

Спокойствие моря Витьку ничуть не обманывало: стоило ему повернуть голову, перевести взгляд за непропуск — и сразу же глаза начинало резать, будто от ветра внутрь заворачивало ресницы. Когда-то он так и думал, а сейчас уже знал, что либо с соседнего острова, либо с берега несет пемзовую пыль, она-то и вызывает резь в глазах. В той стороне волны белели барашками.

Но что это, что это? Вдруг черным штрихом обозначилась между взлохмаченной ватой барашков косая в наклоне мачта судна. А вот на миг и белый борт показался. Шхуна! К берегу шла шхуна! То есть, может, и не к берегу, но ведь ее можно сюда позвать, усиленно ей сигналя.

Витька прибежал в лагерь бледный и задыхающийся, взбудоражил всех, увлек за собой, заставил штурмовать первую же кручу, и наконец каждый смог явственно различить неподалеку от острова идущую своим курсом шхуну.

— Вероятно, японская,— тихо сказал Станислав.— Но идет она вовсе не к берегу. Мимо идет.

— Все равно,— торопливо ответил Юрий Викентьевич,— мы можем попросить их, чтобы они дали радио SOS, и за нами придут. Давайте дрова, разожжем костер! Ломайте этот чахлый, чтоб он пропал, кедрач! Давайте както сигнализировать, а?..

Наверное, на шхуне не заметили костра. А может, и заметили, но не захотели, побоялись или почему-либо не смогли подойти. Шхуна неторопливо проследовала мимо острова, даже как бы отвернув немного мористее.

— Кажется, она прошла, «как с белых яблонь дым»,— сиплым, сразу осевшим голосом проговорил Станислав.

— Кто ее знает, что за шхуна,— тоже сипло сказал Юрий Викентьевич.— Она могла не подойти, даже если видела костер и нашу жестикуляцию... Да и мало ли почему горит костер!

— Тем более, если это японские рыбаки.— Витька был так возбужден, что коленки у него дрожали.— Наверное, без локатора. А тут рифы...

Они затоптали огонь и пошли в лагерь, тихие, пришибленные. Станислав рвал на ходу жесткие метелки и сдувал с ладони семя.

— Какого дьявола! — обозлился он сам на себя.— Чего зря киснуть? До осени еще есть время, и я уверен, что шхуны будут.

— Если они покажутся вот как эта, чтобы только подразнить, лучше не надо.— У Витьки совсем скверно стало на душе.— Снять отсюда нас могут разве что случайно, чего уж тут... планы всякие строить.

Юрий Викентьевич в ответ небрежно пробасил:

— А что такое случай, как не звено в цепи закономерностей? Может, судов поблизости перебывало уже не один десяток: туман да дождь, разве заметишь? Мы тут, как слепые котята. Но к осени будет больше солнечных дней, они даже пойдут сплошь... Увеличится, понимаете ли, вероятность...

— Да, понятно, понятно,— нерешительно улыбнулся Станислав. Ему тоже что-то стало грустно; от грусти он был даже менее раздражителен.— За месяц, за два не околеем. Ведь, по существу, нам еще повезло — шхуна утонула без нас, по счастью, мы успели высадиться с хляби на твердь. Тайфун — тот мало нас задел, слегка только окропил.

Витька встрепенулся. А ведь и правда, им здорово повезло. Нужно только сравнить свою судьбу с судьбой тех, кто остался тогда на шхуне. Всем им здесь дарована жизнь, и они не больны, и всего понемногу хватает — воды, мяса... да, воды, мяса... пяток банок мандаринового компота в запасе... А соли нет. Вот если бы еще соль, тогда настоящий курорт!

Стремясь уверить себя, что на острове довольно сносная жизнь, Витька представил, как он укачивался в проливах, что испытывал хотя бы тогда, когда попали близ Харимкотана в те ужасные сулои... Он даже слыхом не слыхивал ни про какие сулои, пока шхуна по опрометчивости капитана не сунулась в пролив Севергина. Было тихо, была зеркальная гладь на море, и солнце щедро припекало, и такая установилась всеблагость стихий. А потом вдруг легонько, будто лапой хищно-ласкового зверя, ка-ак поддаст в скулу разок-другой... А потом без счету... И пошла нырять в жутких колдобинах утлая их шхунешка, брать

бортами изумрудную волну. Даже мужественный Зыбайло сразу не мог уяснить себе механизм толчеи, в которую попала шхуна, толчеи, возникшей в сравнительно узком проливе из-за перепада уровней Охотского моря и Тихого океана, из-за крутых рифов и стремительного течения.

«Вероятно, подводное извержение,— сказал он тогда, скептически улыбаясь, маскируя улыбкой смущение.— Это по вашей части, Юрий Викентьевич, по геологической, вам и разбираться».

А сам между тем напряженно крутил штурвал, в какие-то мгновения ставя шхуну боком к волне, потому что трудно было понять, откуда она идет. Волна свирепо бросалась на деревянный корпус отовсюду, так что корпус трещал, как попавший в тиски грецкий орех... Зыбайло крутил штурвал, делая поворот на 180 градусов, чтобы выйти из этого светопреставления, из дикого разгула воды, совершающегося под обманчиво синеющими небесами и при абсолютном отсутствии ветра.

О чем думал тогда Витька? Он думал о тупой беспощадности бездны, разверзшейся под хрупким днищем. О ее полнейшем равнодушии к тому, что живет себе на свете какой-то Витька, еще не успевший ни закончить вуз, ни толком влюбиться, ни поработать на пользу всем и для собственного же удовлетворения. Разве не обидно было бы утонуть в далеком от родного города взбесившемся проливе?..

Очевидно, ужасен был бы первый миг крушения, леденящее прикосновение разъяренных волн.

Витька не мог вспомнить о сулоях без содрогания.

Он не мог думать без содрогания о том, что, удачно выйдя из нелепой толчеи пролива Севергина, шхуна вскоре попала в еще более тяжкое испытание, с которым не справилась, и, вероятно, затонула. Как?.. Где?.. Кто мог знать об этом наверняка?

Витька уже не впервые внутренне осознал, что всем им страшно повезло, и что нет резона распускать нюни, и что нужно жить, радуясь обилию неба над головой, беспросветности дождей, веселому грохоту океана, который их подкармливает, обществу товарищей, какие бы они ни были. Они все-таки люди.

Перевалили непропуск, и сверху сразу открылся обозрению лагерь: обветшавшая палатка и сизое пятно недавнего костра... и Миша Егорчик, который, оказывается, вовсе никуда и не бегал вместе со всеми, не расстраивал своей нервной системы, не переживал, наблюдая за тем, как белым призраком исчезает в море чужая шхуна.

Витька подошел к нему вплотную. Егорчик покосился на него и извлек из груды деревяшек, припасенных для костра, узкую дощечку с отчетливой смолисто-черной надписью по трафарету: «Хранить в сухом и прохладном месте». Вероятно, то была дощечка от ящика из-под консервов. Укрепив дощечку поверх двух камней, Егорчик воссел на ней, как некий божок.

— Ушла шхуна,— сказал Витька, обессиленно прислонившись к осклизлому чурбаку.

— А?— спросил Егорчик.

— Что «а»?— взглянул на него Витька и вдруг яростно, гневно, как при вспышке молнии, р а з л и ч и л, дошел своим умом, что представляет собой этот сонливый, покорный судьбе, тупой, как жвачное животное, затаенно-злобный человечек.

В Станиславе ключом била самовлюбленность, но и, хоть изредка, всплескивалась, выходила из глубины души доброта. Смельчит в чем-то, скорыстничает, а потом все-таки посмотрит на себя как бы со стороны: а красиво ли себя веду... а зачем поддался настроению... а зачем грохочу без толку? Стоило Станиславу остыть немного — и с ним уже можно было разговаривать. Он упрямый, многого таком образованному не докажешь, но если сбоку поддержит Юрий Викентьевич, то и его можно припереть к стенке.

— Ты! Доисторический человек!— глухо проговорил Витька, с опаской ощущая, как внезапной силой наполняются его ослабевшие костлявые кулаки; с сентиментальностью пора было кончать. Нужно обращаться с заурядным захребетником, как он того заслужил, а не как с принцем хороших кровей... или с принцем крови, что ли...— А ну-ка, живей жми за водой!

Егорчик набух весь кровью и выругался.

Юрий Викентьевич не успел даже слова ему сказать,— Егорчик с полпути, с лету перехватил Витькин кулак.

Юрий Викентьевич не терпел грубых слов. Но и мордобой презирал. Тем более он не допустил бы его в своем присутствии.

— Идите за водой, Егорчик,— сказал он сухо.— Не сидите без конца пень-пнем, иначе вы получите искривление позвоночника, черт вас возьми!

Когда тот, усиленно пыхтя от перенапряжения, круто полез в гору с кастрюлей, привешенной к ремню за ручку, Юрий Викентьевич воззрился на Витьку и долго изучал его, как выскочившее из расселины чудо-юдо.

— Советую вам еще раз, Виктор. Входите в жизнь без крика. Не форсируйте голоса. Спокойней, понимаете ли... Крик, пусть он придет к вам где-нибудь после сорока, ну, как одышка или кашель. В сущности, повторяю, крик тоже ведь категория медицинская.

— А молчанка — ну вот вроде как у Егорчика, когда он сопит себе в две дырочки, держа до времени камень за пазухой,— по-вашему, это какая категория?

Станислав ухмыльнулся.

— Разбирающиеся пошли детки, ничего не скажешь. Можно утверждать: букварь изгрызли в лоскуты еще в эмбриональном, пеленочно-горшочном состоянии.— Он потянулся к котелку.— Где-то у меня с утра тут оставалась мозговая косточка. Во всяком случае, мне приятно думать, что она мозговая. Поточить разве зубы, чтобы ржавчиной не обросли.

— Я не уверен, что Егорчик станет держать за пазухой такую тяжесть, как камень,— продолжал Юрий Викентьевич.— Думайте все-таки лучше о людях, Виктор. В крайнем случае нас трое на одного Егорчика. Справимся как-нибудь. Живьем он никого не съест.

Витьке от этих слов стало просторно и легко. Как будто раздвинулись горизонты, простерлась суша, схлынула вода — шагай да шагай! Конечно, Юрий Викентьевич прекрасно чувствует, что за тип Егорчик. Он еще за него возьмется и начнет о б р а б а т ы в а т ь, как обрабатывал вскользь и вроде нехотя все дни то его, Витьку, а то и Станислава. Вот даже сейчас толковал он Витьке насчет крика, а рикошетом в Станислава метил, тот даже помаргивал, будто ему в глаз что-то попало.

Наверное, еще не пришел час взяться за Егорчика всерьез. Да и куда спешить? Впереди осень. А может быть, и зима.

— Сотворю-ка я огонь,— стариковски покряхтывая, сказал Станислав.— А то я вижу, смельчаков что-то нет.

Без костра он не мог. Тем более при достатке дров, когда не нужно было рисковать здоровьем, чтобы доставлять их по воде.

Юрий Викентьевич неодобрительно относился к привычке Станислава делать заначки. Однако не брось Станислав еще на шхуне в рюкзак несколько лишних коробков спичек, они бы не имели возможности пользоваться огнем так щедро. Так что у всякого правила есть исключение.

В сущности, их жизнь на острове часто давала повод для снисходительных улыбок. Не только для вздохов, но и для смеха.

В сущности, она мало чем отличалась от той жизни, какой живут люди, имеющие возможность пользоваться библиотеками, радио, автотранспортом и сколько-нибудь устроенным бытом. Каждый из этих четырех в достаточной мере был философом, чтобы понимать это. Особенно шеф.

Забористо трещал костер. Иногда он — сигнал бедствия.

И всегда он — источник жизни.

* * *

Не исключено, что эти четыре человека сумели бы здесь перезимовать. Но летчик одного из санитарных вертолетов получил приказ отклониться от обычного курса и пролететь над островом Эн. Видимо, еще не совсем была потеряна надежда обнаружить затерявшихся в океане людей.

Четверо были сняты с острова еще в начале осени.

Бессмертные улыбки

(К 75-летию со дня рождения Остапа Вишни.)

Антон Павлович Чехов высоко ценил тех, кто сам шутил, и тех, кто понимал шутку.

«Да-с, это уж вернейший признак: не понимает человек шутки — пиши пропало!.. И знаете: это уж не настоящий ум, будь человек хоть семи пядей во лбу».

Если подходить с этой чеховской меркой к Остапу Вишне, то он был настоящий человек. Он понимал шутку, любил ее — и простую, бесхитростную, и вовсе не безобидную, злую, с перцем, с солью.

Павло Михайлович Губенко — Остап Вишня прожил большую, далеко не бестревожную жизнь, полную неустанных творческих исканий и бурных невзгод. Порой казалось, ему совсем не до шуток, но он наперекор всему относился к превратностям судьбы иронически, как бы шутя. Он шутил за письменным столом, в своих письмах и «усмешках», в кругу друзей, на встречах с читателями, шутил здоровый, в расцвете сил и тяжело больной. Лукавая шутка сопровождала его повсюду, на каждом шагу. Даже там, за колючей проволокой, куда писатель попал по злобному навету, даже там он не терял этой спасительной способности шутить, острить, относиться к лишениям стоически.

Мне посчастливилось близко встречаться и дружить с этим замечательным писателем и человеком. И навсегда, на всю жизнь я запомнил его удивительно мягкую, человечную улыбку.

Лето 1954 года писатель собирался провести на юге, у моря. Он строил радужные планы, в которых видное место занимали внуки и, конечно, рыбная ловля на Черном море. Но неожиданно планы расстроились. Ни о какой поездке на юг не могло быть и речи: врачи запретили — сердце явно начинало сдавать.

«Меня ветеринары не пущают,— писал он,— ни на юг, ни на зельтервассеры,— говорят, дыхать надо лесным воздухом и не сосновым. Так я где-нибудь в лесу «под дубом вековым, наевшись желудей досыта, до отвала» и предполагаю отдыхать».

К слову сказать, Остап Вишня с глубоким уважением и любовью относился к врачам, со многими он дружил и был близок. Но это не мешало ему любя называть в глаза своих друзей-медиков «ветеринарами». И произносил он это слово «ветеринар» мягко, с сердечной улыбкой, так что никто из «заслуженных ветеринаров» и не думал обижаться.

И вот лето 1954 года писатель провел в Чигирине. Неутомимый и жизнедеятельный, он изнывал от вынужденного безделья. «Скучно и утомительно,— писал он, вернувшись в Киев,— отдыхаю от «отдыха».

Сердечный недуг не ослабевал и все больше донимал Вишню. «Есть планы, и неплохие, да сердце — холера ему в бок! — не дает ходу. Ну, ничего. Еще попишем!»

И он писал. Писал много, желая наверстать те годы, когда вынужден был молчать. Он писал, невзирая на болезнь, не желая уступить ей, ни за что не желая сдаться, признать себя побежденным.

«Посылаю Вам про «брехню» (речь шла о юмореске про очковтирателей.— Е. В.).

Руководство, по крайней мере у нас, придает большое значение борьбе с брехней,— в данном случае в колхозах. А добрехались уже до чертиков.

Я думаю, что у вас (поскольку мы — братья!) тоже сие наблюдается.

Вопрос — кто хлеще?

Я не настаиваю, чтобы Вы напечатали мое,— но надо и Вам обратить внимание на брехню.

По-моему, не надо слезать с этой темы, пока не прикончим брехню окончательно».

Как подлинно народный писатель, Остап Вишня сразу почувствовал, какую опасность несут очковтиратели.

...Павла Михайловича вскоре все-таки уложили в больницу на стационарное лечение. Но и в стационаре он продолжал работать. Там он, между прочим, написал заново свою автобиографию для книги, которая должна была выйти в Детском издательстве.

Вырвавшись из больничного плена, еще более рьяно взялся за работу. Писал и писал. Писал для взрослых и детей.

«Я па-ты-хо-нь-ку! Пока не помираю!

...Хоть посвистывайте иногда в трубочку — веселее!»

Так всю жизнь с шуткой!.. Неповторимой, чудотворной вишневой шуткой!..

Е. ВЕСЕНИН

Правнук Маркса рисует Москву

Бородинский мост. Москва. Акварель.

Гурзуф. Крым. Рисунок.

В Париже, в галерее дю Пассер, была устроена выставка «Пейзажи Москвы и Крыма». Все картины и акварели, представленные на ней, выполнены французским художником Фредериком Лонге. Он создал их, гостя в Советском Союзе.

В свою очередь, и в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, была развернута большая экспозиция произведений Фредерика Лонге — около ста французских пейзажей. Москвичи увидели суровые равнины Бретани, приветливые берега Сены и Марны. На этих берегах прошло детство художника.

В семействе Лонге как драгоценная реликвия хранились два великолепных рисунка углем. Нарисовала их Женни Маркс, старшая дочь Карла Маркса, бабушка Фредерика. От нее, должно быть, и унаследовал внук призвание живописца.

Художник Фредерик Лонге — правнук Карла Маркса — проехал по Советскому Союзу тысячи километров; писал залитое солнцем побережье Черного моря, громоздящиеся по склонам крымские деревни, Гурзуф, окрестности чеховской Ялты. Но с особенным волнением любовался он Москвой. Вставал на рассвете, а порой и затемно, чтобы запечатлеть столицу мира, пробуждающуюся в первых лучах нового дня.

Эльвира ПОПОВА

Макс ЭЙВЕ,
экс-чемпион мира

Советские гроссмейстеры подтвердили в межзональном турнире в Амстердаме свою громкую славу: трое из них — вместе с датчанином Ларсеном — заняли первые места. Два других русских гроссмейстера с минимальным разрывом заняли пятое и шестое места.

Этот великолепный результат должен был бы дать полное удовлетворение, однако... Всегда чего-то не хватает для полного счастья. Так было и на этот раз.

«Два момента требуют более внимательного рассмотрения: «Фишер» и так называемый «Нумерус клаузус».

Начнем с вопроса о Фишере. Почему Боб Фишер отказался играть в Амстердаме? На этот счет не давалось сколько-нибудь удовлетворительного объяснения, да и вообще никакого объяснения. Сам Фишер удовольствовался коротким «ноу комент» (никаких объяснений).

Попробуем сами, без его помощи объяснить его поведение. Финансовые трудности? Верно, что финансовые условия всех турниров ФИДЕ неудовлетворительны. Первый приз в межзональном турнире составляют 1 500 швейцарских франков, то есть 350 рублей. И это первый приз! Можно легко составить себе представление, каковы же остальные призы. И за подобные суммы гроссмейстер с мировым именем должен более месяца напрягать все свои силы.

Настало наконец время ФИДЕ в корне пересмотреть финансовые условия и увеличить размер призов втрое или вчетверо. Ведь стоимость призов Амстердамского турнира не достигла и десятой доли всех сметных расходов, вполне можно было бы увеличить количество призов и их размеры.

Однако мы удаляемся от нашей темы «Фишер». Для Боба Фишера упомянутые финансовые трудности не играли никакой роли, ибо с разных сторон к нему поступа-

Межзональный турнир в Амстердаме вызвал множество откликов и споров. Отголоски этой шахматной бури с новой силой зазвучат в Тель-Авиве, где начинались крупнейшие соревнования — шахматная олимпиада — и где состоится очередной конгресс Международной шахматной федерации. Мы печатаем статью экс-чемпиона мира Макса Эйве, в которой он выражает свою точку зрения на многие злободневные вопросы, написанную специально для нашего журнала.

НЕ ХВАТАЕТ СЧАСТЬЯ

ли предложения, предусматривавшие отдельный гонорар, выражавшийся в тысячах долларов. Фишер все их отклонил. Итак, это не вопрос денег.

Что же тогда? Не испугался ли Фишер? Нет, юный гроссмейстер не испытывает страха. Его вера в себя безгранична. Скорее, ему недостает боязни в силу известной переоценки собственных возможностей. Вспомним, например, что несколько лет назад он предложил тогдашнему чемпиону мира Ботвиннику два очка вперед в матче на первенство мира! В этом отношении интересен пресловутый «Список Фишера».

В начале этого года Фишер составил список десяти крупнейших шахматистов всех времен. В этом списке мы находим имена Чигорина, Алехина, Таля и Спасского, однако отсутствуют Ботвинник и Петросян.

Конечно, каждый имеет право на симпатии, так же как и на мнение о силе игры и величине таланта того или другого шахматиста, хотя комментарии Фишера могли бы стать объектом серьезной критики. Но что, однако, означает этот список?

Если учесть, что Ботвинник и в еще большей степени Петросян являются в глазах Фишера прямыми конкурентами, тогда как Таль и Спасский могут быть соперниками в более или менее отдаленном будущем, то можно сделать вывод, что Фишер сознательно или несознательно принижает своих противников, своих прямых конкурентов. Типично при этом то обстоятельство, что Фишер в тот период времени, когда Таль был чемпионом мира, высказывался о нем, по свидетельству самого Таля, как о слабом шахматисте, и напротив, когда теперь Таля и высший титул разделяет некоторое расстояние, он числится у Фишера среди лучших. Говоря словами пословицы, Фишер с пренебрежением говорит о «волках в саду» и превозносит «волков в лесу». Что произойдет, однако, если лесные волки ворвутся в сад?

Итак, вопрос не в долларах и не в боязни — и все же Фишер отказался играть. В чем причина? Мы исходим из того, что этому есть объяснение, хотя при неустоявшемся характере юного чемпиона США нельзя твердо утверждать, что у него эта конкретная причина есть. По моему мнению, причина отказа Фишера от участия в турнире претендентов следующая: Боб Фишер принимает во внимание (как и большинство молодых людей) в первую очередь, а может быть, и исключительно, собственное мнение.

— Существует всемирный шахматный союз,— рассуждает Боб Фишер,— который устанавливает правила завоевания титула чемпиона мира. Это, конечно, хорошо, но гораздо важнее и значительнее то, что я, Роберт Фишер, считаю правильным. Если шахматист намного, очень намного, превысил средний уровень достижений, нечего ему считаться с обычными правилами. Он не нуждается в том, чтобы упорно взбираться по ступенькам соревнований к матчу на звание чемпиона мира. Он может быть прямо допущен к подобному поединку. Конечно, если его достижения соответствуют этому.

Но как же обстоит дело с достижениями Фишера? (Разумеется, в глазах самого Фишера.) Мы знаем, что каждый шахматист без исключения склонен измерять силу своей игры своими успехами и, наоборот, слегка затушевывать свои неудачи, приписывая их особым обстоятельствам — болезням, невезению, бессоннице и т. д. Если мы все это учтем, то для Фишера его достижения выглядят так.

В 1962 году грандиозная (действительно грандиозная) победа в межзональном турнире в Стокгольме: отрыв на несколько очков от крупнейших русских гроссмейстеров. В конце 1962 года — бесспорная победа в первенстве США. В конце 1963 года — неслыханный, стопроцентный результат в первенстве США.

Неужели же подобные триумфы не должны дать Фишеру право без дальнейших перипетий сражаться с чемпионом мира?

А посредственный результат в Варне?

— Ах, это был турнир командный. На таком турнире экспериментируют и позволительно иметь неудачи.

— А неудача в турнире кандидатов в Кюрасао?

— Но там же Фишеру приходилось играть 40 часов в неделю, тогда как конкуренты проводили за доской 15—20 часов. Партии Фишера, как правило, требовали напряженного доигрывания, и его задача была несравненно тяжелей.

Такова логика Фишера. Хорошо, забудем Варну и ограничимся Кюрасао. Нейтральная сторона, соблюдая объективность, ни в коем случае не может оставить без внимания этот в целом нормально протекавший турнир. Если учитывать аргументы, помимо набранного количества очков, то это приведет к невозможным результатам. Кроме того, хорошая тактика приспособления также является одной из сторон шахматного дарования. С заключительным результатом в 14 очков из 27 партий Фишер (даже не учитывая правила ФИДЕ) вряд ли может заявлять себя в качестве главного кандидата на матч на первенство мира.

Все же Фишер готов привести дополнительный аргумент. Как известно, он предложил организовать матч между ним и одним из пяти сильнейших шахматистов Советского Союза. При этом он усиленно подчеркивал, что этот матч не имеет ничего общего с вопросом о первенстве мира. Ясно, однако, что Фишер надеется в случае возможной и, если удастся, убедительной победы раздобыть новые аргументы для прямой встречи с чемпионом мира. И снова: Фишер хочет, где только возможно, обойти пути, начертанные ФИДЕ, поскольку он не считает их правильными в данном случае. Неизвестно, состоится ли указанный матч, но кажется ясным, что в ближайшем поединке на первенство мира Фишер не будет выступать в роли претендента.

Такова при ближайшем рассмотрении проблема «Фишер». Перейдем ко второму моменту.

«Нумерус клаузус». Под этим подразумевается положение, согласно которому в кандидатском турнире может выступать лишь определенное число представителей одной страны (половина плюс один). Цель этого, в общем, произвольного положения состоит в том, чтобы воспрепятствовать превращению кандидатского турнира в турнир шахматистов какой-нибудь одной сильнейшей страны, что могло бы привести к снижению интереса в международном масштабе.

И все же это положение таит в себе нечто нереальное, неоправданное. В Стокгольме в 1962 году гроссмейстер Штейн был впереди гроссмейстера Бенко, однако последний вышел в кандидатский турнир, а Штейн нет. В межзональном турнире в Амстердаме 1964 года Штейн и Бронштейн заняли места выше, чем Ивков и Портиш. И снова в кандидатский турнир допущены последние. Это не может не ранить наших чувств справедливости и права. Разве кандидатский турнир в Кюрасао был бы и в самом деле менее интересным, если бы вместо Бенко играл советский гроссмейстер Штейн? Разве матч на первенство мира, который проводится каждые три года, не вызывает всемирного интереса, несмотря на то, что между собой сражаются два русских?

Однако хватит, склонимся еще раз перед аргументом «повышенного интереса» и перешагнем через «трупы» поверженных. В следующем кандидатском турнире играют, следовательно, Ботвинник, Керес, Смыслов, Таль, Спасский и Ларсен, Ивков и Портиш. Можно себе представить, что турнир с семью русскими и одним Ларсеном был бы действительно несколько односторонним зрелищем. Ларсен оказался бы явно в затруднительном положении, как, впрочем, это уже было с ним в конце межзонального турнира, когда ему пришлось встретиться подряд с русскими шахматистами. Но проведение кандидатских турниров было два года назад основательно изменено. Кандидатский турнир — отныне вообще не турнир, он состоит из серии матчей, и теперь вряд ли можно увидеть какой-либо смысл в «Нумерус клаузус». До первой серии матчей кандидатского турнира 1965 года запланированы четыре поединка: Ботвинник — Смыслов, Керес — Спасский, Таль — Портиш и Ларсен — Ивков. Что за горе было бы, если бы Ларсен вместо Ивкова имел противником Штейна? Или если бы нам пришлось быть свидетелями матча Таль — Бронштейн, вместо матча Таль — Портиш?

Честно говоря, применительно к обычному турниру я бы еще увидел разницу, но применительно к серии матчей — нет. Если ничего особенного не произойдет, мы все равно при подобном порядке увидим во второй или третьей серии матчи исключительно между русскими участниками.

Если ФИДЕ действительно хочет держать международный шахматный мир в напряжении до конца, можно было бы рассмотреть возможность проведения одновременно двух кандидатских соревнований — серии матчей для шахматистов разных стран и серии матчей для советских участников. А в заключение — большой матч победителей.

При подобном порядке вопрос «Нумерус клаузус» снимается вообще с повестки дня. Тогда неважно, сколько победителей будет в межзональном турнире.

Но все это — дело будущего. Для наступающего кандидатского турнира можно, по-видимому, мало что изменить. Однако будущее шахмат в наших руках. Главное, знать, чего не хватает для счастья.

Система ФИДЕ направлена на то, чтобы дать возможность каждому шахматисту, независимо от того, в какой части планеты он находится, продвигаться по пути к шахматному трону. Для этого во всех, даже самых отдаленных частях света проводятся зональные турниры, победители которых получают право играть в межзональном турнире. Задумано хорошо, но несправедливость остается, и, кроме того, межзональный турнир несколько теряет свою ценность из-за неравного состава участников.

Виталий ЗАКРУТКИН

СТОРОНА ДОНСКАЯ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

В тихий час предвечерья в лесу, над захолодевшей рекой, два невидимых певца протяжно поют старинную казачью песню, вопрошая Дон: «Ой, что же ты, тихий Дон, мутнехонек течешь?»

Кто знает, в какую давнюю пору сложена эта бередящая душу песня, и кто ее сложил, и кто ее поет в осенних сумерках? Но ты слушаешь песню, и звенит у тебя душа, и уже кажется тебе, что это поют, роняя листья, вербы и тополя, и вода речная, и степные травы, и облака над ериками и озерами, и все, что в этот час живет и красуется на стародавней, кровью и пóтом политой донской земле...

Улетает песня в степные просторы. Парят над степью красные коршуны. Лиловеют осенние дали. Стоишь ты на крутом яру, слушаешь песню и, словно наяву, видишь все, что давно минуло.

«Диким Полем» и «Великим Лугом» называли когда-то наши пращуры этот полдневный край древней Руси. И кого только не было в нашем диком, еще не покоренном человеком краю! Неведомое племя пастухов-киммерийцев, воинственные скифы, сарматы, пришельцы с далекой полуночи — готы, полчища гуннов, хазары, половцы, печенеги...

Почти ничего не осталось от хищных кочевников, грабивших некогда Русь. Лишь погребальные и сторожевые курганы в степи, каменные бабы, утварь и покрытое ржой оружие в музеях да поросшие травой валы городищ.

Это сюда, на край Дикого Поля, обороняя Русь, вел храбрые полки князь Игорь Святославич, обратившийся к доблестным своим воинам с заветным словом: «...С вами, русици, хощу главу свою приложити, а любо испити шеломомь Дону...»

Глубоко под водой сотворенного человеком Цимлянского моря погребена хазарская крепость Саркел, откуда воинственные чужеземцы ходили в набеги на Русь, жгли русские селения, в тяжкий полон угоняли женщин и детей. Русский князь Святослав осадой взял ненавистную вражескую крепость, назвал ее Белой Вежей, и стала она защитным заслоном славянских племен. Множество мечей и копий, резных украшений и посуды увезли отсюда советские ученые в сокровищницы страны, прежде чем донские воды похоронили хазарскую крепость на дне нового моря. И плывут сейчас по Цимлянскому морю самоходные баржи с пшеницей, с хлебом, с углем, горделиво плывут белоснежные лебеди — дизель-электроходы, на которых проводят отпуск тысячи советских тружеников.

Донщина! Разродимая сторонушка! Со всех концов Руси бежали сюда, скрывались в безмежных просторах Дикого Поля замордованные боярами мужики Рязанщины, Псковщины, Киевщины, все, кто был смел и пуще жизни любил волю. Так нашли пристанище на тихой, величавой реке отважные люди, называвшие себя донскими казаками.

Отсюда далеко уходили в походы вольные казаки. В легких стругах подплывали они к берегам Туретчины, громили крымского хана, нещадно били грабителей, нарушавших границы русской земли...

На широкой площади казачьего города Новочеркасска благодарный народ воздвиг памятник славному сыну Дона Ермаку Тимофеевичу, который присоединил к владениям Руси бескрайные просторы Сибири и погиб вдали от родных берегов.

Сейчас отсюда, из казачьего Новочеркасска, на все важнейшие магистрали страны выходят покорители пространства, мощные электровозы. И — кто знает?— может, пути их лежат на тех же памятных тропах, которыми вел свою храбрую дружину Ермак?

Многих героев взрастил Тихий Дон. И не один из них потрясал основы царского трона, заставлял дрожать от страха повелителя-самодержца, князей и бояр.

Не забывают на Дону Разина Степана. Поплавал он на расписных челнах, тысячи ненавидящих рабство смельчаков собрал под свои стяги, сотни притеснителей-бояр вздернул на виселицу, жестоко отомстил кровопийцам за слезы и горе замученного народа. Под мрачными сводами собора в станице Старочеркасской, как говорит народное предание, железными цепями был прикован к стене пойманный царскими войсками Степан Разин. Здесь дожидался он того часа, когда повезут его в последний путь — под острый топор палача... Здесь произнес обреченный на смерть атаман казачьей вольницы воплощенные в песню слова прощания:

Ой, вы други мои, донские
казаки,
Вы орлы мои сизокрылые,
Соколы мои поднебесные...

В наши дни стерегут в Старочеркасской немеркнущую славу Степана добытые кровью казачьей чугунные пушки, и ядра, и тяжелые ворота отбитой у турецких пашей крепости Азов — молчаливые свидетели минувших сражений...

Теперь в этих памятных местах Старочеркасский овощно-молочный совхоз, один из многих на Дону. Потоком идут отсюда в разные города страны хрусткие, изумрудные огурцы, алые, налитые прохладным соком помидоры, тугие головки ранней и поздней капусты, все, что выращивают труженики-земледельцы на щедрой донской земле...

Иные времена, иные песни. Но и теперь где-нибудь у станичного клуба или на хуторской улице можно услышать предания о казаках, дерзнувших поднять руку на грозного императора Петра. Кондрат Булавин, Игнат Некрасов, Никита Голый, Семен Драный и другие смелые соколы Дона остались героями сказов казачьих. И не раз вздохнет дряхлый, седобородый дед, рассказывая парням и девчатам, как увел на Кубань, а потом в Турцию разбитую императором вольницу Игнат Некрасов.

Два с половиной века прожили поколения казаков-некрасовцев на чужбине, свято храня язык, обычаи и песни прадедов. Лишь осенью 1962 года из Турции, из селения Кёджи-Гель, что на озере Майнос, вернулись на родную землю, в Советский Союз, последние праправнуки Игната Некрасова. Работают они в виноградарских совхозах...

Тысячелетиями стремят свои воды к Азовью и Тихий Дон, и Северский Донец, и Хопер, и Медведица, десятки больших и малых притоков, и в их течении мы словно видим бег времени и тех, кого давно уже нет, но кто вечно жив в нашей памяти.

«Войска Донского Зимовейской станицы служилый казак Емельян Пугачев. От роду ему будет лет сорок. Лицом сухощав. Во рту верхнего спереди зуба нет, который он выбил салазками еще в малолетстве, в игре. На лице имеет желтые конопатины. Сам собою смугловат, волосы темно-русые, по-казацки подстрижены. Росту среднего, борода черная, небольшая... Из второй армии отпущен за грудною болезнею». Таковы показания Софьи Дмитриевны Пугачевой, допрошенной в крепости Святого Дмитрия, о муже своем, которого царица и дворяне назвали «злодеем» и «самозванцем». Будто грозная буря, прошли пугачевцы по Волге и Дону, по далекому Яику и оренбургским степям, расправляясь с душегубами — дворянами и помещиками. Казнили царские палачи зимовейского казака Пугачева, повесили и сослали на каторгу тысячи его приверженцев. Но не пропала на Дону слава смелого атамана, жив он в легендах, в преданиях и в песнях народных.

Сейчас в тех местах, где около двухсот лет тому назад проходили отряды пугачевцев, советские люди построили колхозы и совхозы, насадили молодые сады, и красуется под солнцем вольный Дон с его нивами, пастбищами, виноградниками, новыми селениями...

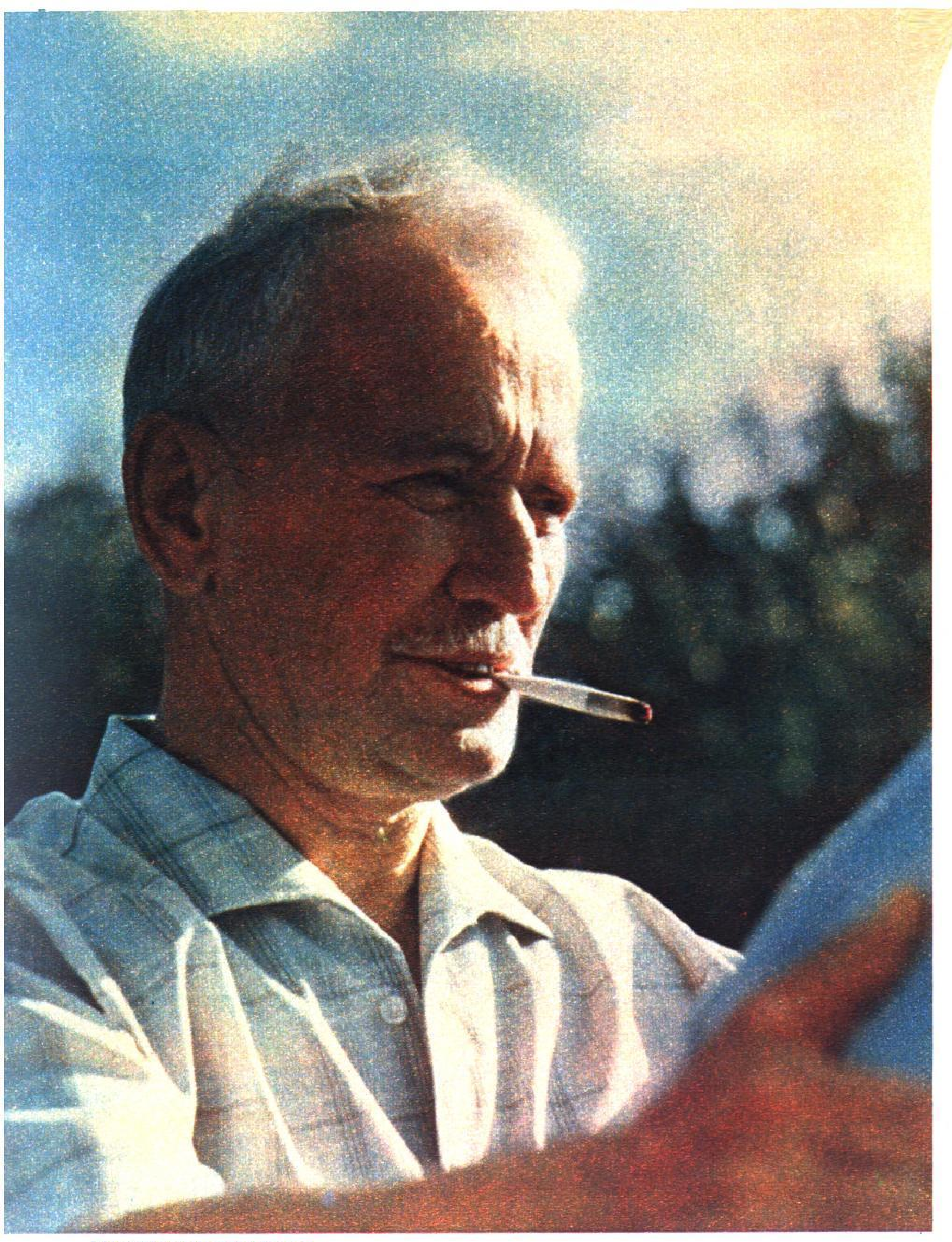
В каких только походах не участвовали отважные сыны казачьего Дона! Сражаясь под командованием великого Суворова, они штурмовали Измаил, отличались под Кинбурном и Очаковом, воевали в Альпах; они били Наполеона и его маршалов. Тысячи донских казаков сложили свои буйные головы на чужой и на своей, милой сердцу земле.

До сих пор поют на Дону полную горечи протяжную песню о тяжких утратах:

Чем-то наша славная землюшка
распахана?
Не сохами-то славная землюшка
наша распахана, не плугами,
Распахана наша землюшка
лошадиными копытами,
А засеяна славная землюшка
казацкими головами.

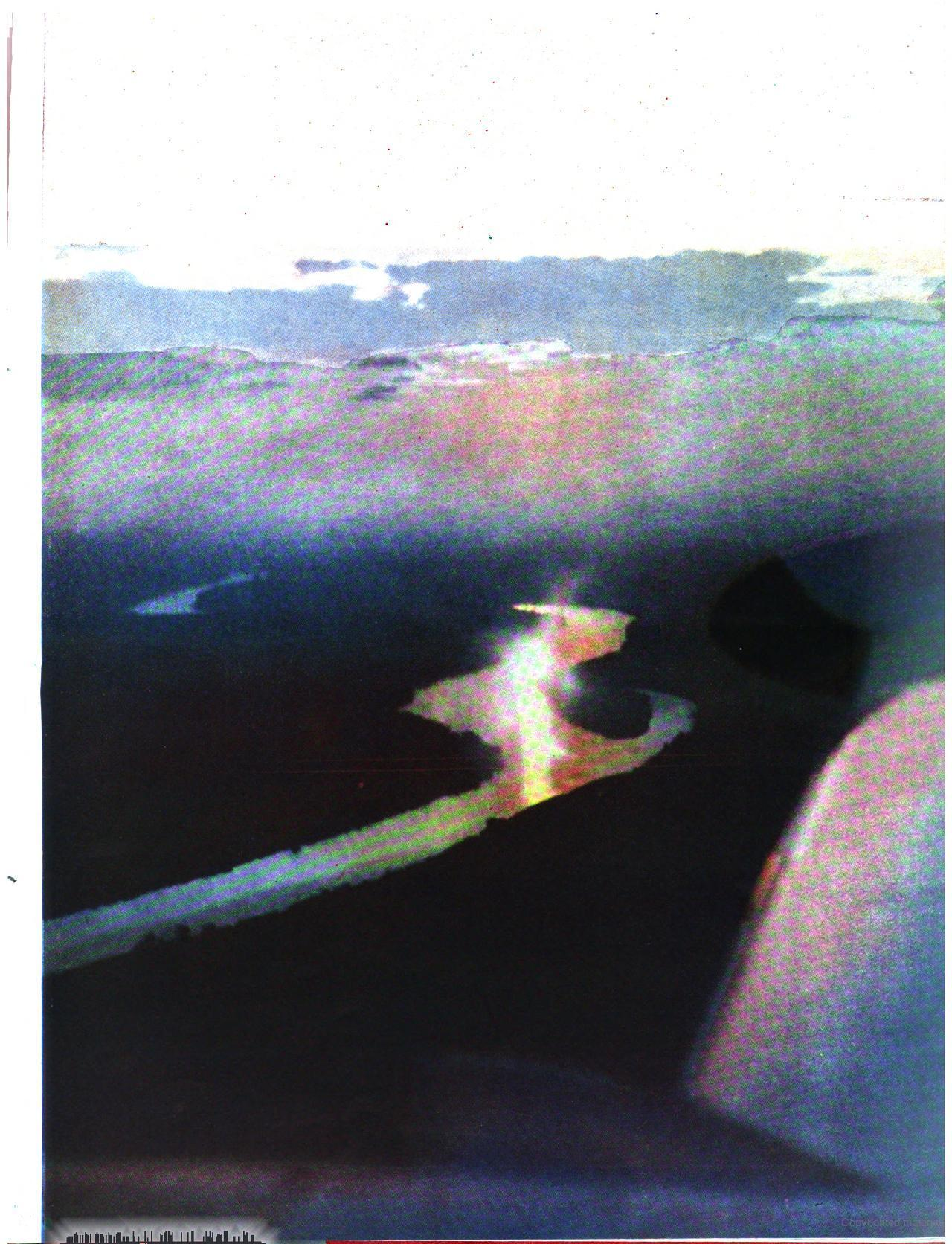
Дорожный мастер Григорий Иванович Щебуняев — староста хора казаков станицы Вешенской.

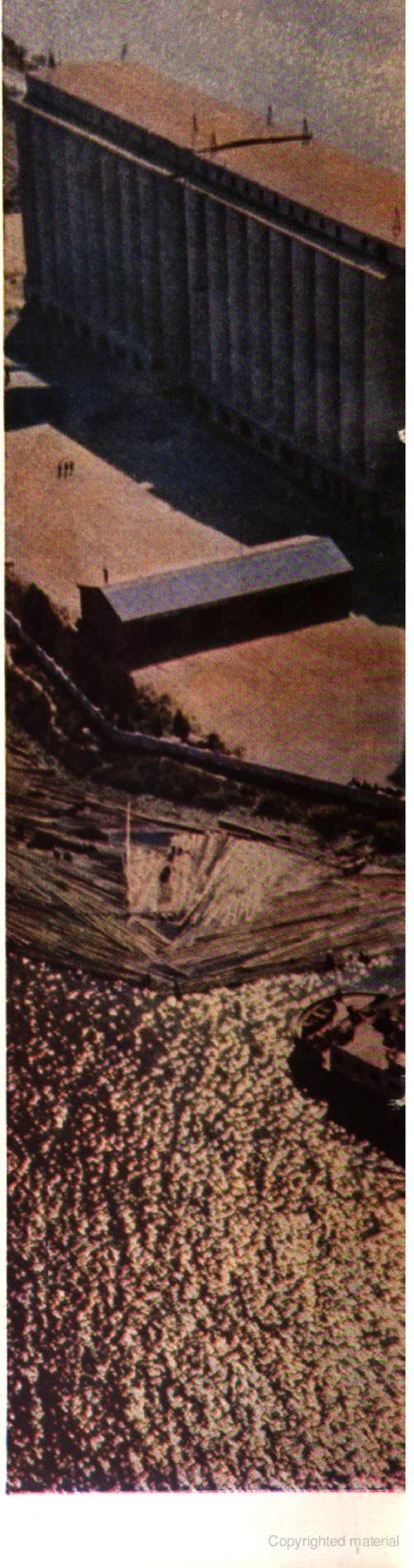
Город Цимлянск. Берега Ростовской области омывают два моря: одно Азовское, другое Цимлянское...

Михаил Александрович Шолохов.

А вот и он сам — батюшка тихий Дон.

Непрерывным потоком вливался в закрома Родины ростовский хлеб. Битва за него велась и на полях станицы Калининской. Горы зерна принимал новый цимлянский элеватор. А на земле все росли и росли новые золотые горы...

Сколько зелени на улицах, как живописны парки!..

◀ Два поколения молодости города Ростова-на-Дону.

Отец — Григорий Павлович Плотников — знатный свинарь-механизатор на Дону. А кем будет Павлик, его сын!..

«Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов...» М. Шолохов.

В Сальских степях, на Донщине, зарождалась Первая конная армия, могучая краса и сила войск пролетарской революции. И от победы к победе вел эту армию донской казак Семен Буденный. Когда злодейские орды Гитлера напали на нашу страну, в составе Вооруженных Сил Советского Союза с беззаветной отвагой громил фашистов Пятый Донской Гвардейский казачий кавалерийский корпус генерал-лейтенанта А. Г. Селиванова (позже им командовал генерал С. И. Горшков). Свыше двухсот смелых сынов казачьего Дона в годы Отечественной войны удостоены звания Героя Советского Союза...

Щедры поля Донщины, славятся земледельцы Дона. Двести четырнадцать миллионов пудов зерна, перевыполнив обязательства, сдали в 1964 году неутомимые донские хлеборобы. От зари до зари, а зачастую ночами работали они в поле, чтобы выполнить свое слово-клятву, данное народу и партии. В пору уборки придонские земли походили на гигантское поле битвы: днем и ночью неумолчно гудели машины; при свете фар тускнели звезды; нескончаемыми колоннами шли к элеваторам тысячи грузовых автомобилей, доверху наполненных чистым, янтарным зерном.

Ходят в задонских степях неисчислимые отары тонкорунных овец. Чем короче становятся дни, чем больше чувствуется холодное дыхание зимы, тем быстрее движутся отары к заветным Черным землям, прославленным зимним пастбищам юго-востока страны. Десятки портретов опытных чабанов-умельцев, искусных стригалей не сходят на Дону с досок почета и со страниц газет.

А кто не знает донских виноградников и известных всему миру донских вин? Виноградарство известно на Дону с незапамятных времен. Во время Азовского похода Петр Первый обратил внимание на донское правобережье и дал указание высаживать виноград на южных склонах холмов. Находясь во Франции, казаки Платова, принимавшие участие в разгроме Наполеона, в седельных саквах увозили на Дон виноградные черенки лучших французских сортов, добывали живые лозы в Венгрии, в Иране, на берегах Рейна. Бессмертный Пушкин воспел в стихах чудесные донские вина:

Приготовь же, Дон заветный,
Для наездников лихих
Сок кипучий, искрометный
Виноградников твоих.

Сорока восемью золотыми, серебряными и бронзовыми медалями награждены вина Дона на международных и всесоюзных выставках. С каждым годом растут зеленые разливы донских виноградников. Скоро только один вступающий в строй Цимлянский завод игристых вин будет ежегодно выпускать из своих цехов до пяти миллионов бутылок «кипучего, искрометного сока»...

Богат и славен советский Дон. Чье сердце не замирало при виде стройных, тонконогих, будто отлитых из бронзы золотисто-рыжих донских скакунов! Выйдешь на восходе солнца в степь, увидишь табун окруженных жеребятами элитных кобыл — и кажется тебе, что все они светятся и словно плывут в белесом степном мареве. Немало трудов и подвигов свершили донские кони и на мирных полях и на полях грозных сражений, немало призов и наград завоевали за резвость и красоту бега на разных, самых прославленных состязаниях...

Богат и славен Дон. Богаты углем его недра земные, богаты рыбой воды рек и озер, протоков и ериков. По всему миру ходят на полях самоходные донские комбайны с маркой завода «Ростсельмаш», покоряют пространства в тайге, в горах и в пустынях новочеркасские электровозы, на сотнях заводов и фабрик страны устанавливаются таганрогские котлы.

Красивы города и станицы Дона. Кто не любовался улицами, площадями, набережной Ростова! Тысячи людей, склонив головы, стояли у порога низкого домика в Таганроге, вспоминая великого Чехова, тысячи людей отдыхали и отдыхают под пленительной сенью таганрогского парка. Каждый камень в Новочеркасске отмечен историей донского казачества, а в музее города любовно собраны священные реликвии войска донского: штандарты, бунчуки, литавры; шитые золотом, увитые георгиевскими лентами, опаленные огнем и потемневшие от порохового дыма знамена — неподкупные свидетели многих походов и гордой казачьей славы. Асфальтированные улицы, трамваи, светлые многоэтажные здания украсили за годы Советской власти город Шахты, бывший убогий шахтерский поселок. Выросли на Дону новые города: Волгодонск, Цимлянск.

Многими именами по праву гордится Дон. Известные всему миру писатели, скульпторы, живописцы, мореплаватели, музыканты, полководцы выросли на Дону и навсегда сохранили в сердце любовь к родному краю, к воспетой в песнях разродимой сторонушке.

Великий художник слова Михаил Шолохов, чьи потрясающие творения стали достоянием человечества, так сказал о донской земле:

«Степь родимая! Горький ветер, оседающий на гривах косячных маток и жеребцов. На сухом конском храпе от ветра солоно, и конь, вдыхая горько-соленый запах, жует шелковистыми губами и ржет, чувствуя на них привкус ветра и солнца. Родимая степь под низким донским небом! Вилюжины балок, суходолов, красноглинистых яров, ковыльный простор с затравевшим, гнездоватым следом конского копыта, курганы, в мудром молчании берегущие зарытую казачью славу... Низко кланяюсь и по-сыновьи целую твою пресную землю, донская, казачьей нержавеющей кровью политая, степь...»

С сыновней любовью относятся к родной земле все, кто живет и трудится на донской земле. Милы людскому сердцу весенние разливы Дона, когда неоглядным морем голубеют его воды по займищу, и жаркое лето с горьковатым запахом полыни и духовитого чебреца, и тихая осень с золотым листопадом, и короткая зима с влажным снегом.

«Разродимой сторонушкой» называют донцы свой край.

Тихий Дон с его славой, красой и силой, с его неповторимой историей и светлым будущим достоин этой сыновней любви.

Станица Кочетовская на Дону.

«Я не опоздала...»

Сто лет со дня рождения В. Ф. Комиссаржевской

В. Ф. Комиссаржевская. Начало XX века. Снимок публикуется впервые.

С этими словами на сцену входит Нина Заречная — чеховская Чайка.

«Нина (взволнованно): Я не опоздала... Конечно, я не опоздала...»

Эта фраза у Чехова заключает в себе глубокий смысл. Драматург дал эти слова ищущей, самоотверженной, начинающей свой путь актрисе. Ее главный долг — не опоздать принести на сцену то, что нужно сегодня, сейчас.

Впервые произнесла эти слова с казенной императорской сцены в Петербурге 17 октября 1896 года Вера Федоровна Комиссаржевская. В будничном, рутинном спектакле актриса создала роль (а роль создала актрису), получившую высокое признание самого автора.

«Комиссаржевская чудесная актриса,— писал тогда Чехов в одном письме.— На одной из репетиций многие, глядя на нее, плакали и говорили, что в настоящее время в России это лучшая актриса...» Слова Нины стали девизом творчества Комиссаржевской.

На петербургскую сцену актриса пришла после успешно проведенных лет в театрах Новочеркасска и Вильно. И в лучших своих ролях — Рози («Бой бабочек» Зудермана), Вари («Дикарка» Островского), особенно Ларисы («Бесприданница»)— она как бы снова задавала столичному зрителю главный для себя вопрос: «Я не опоздала?..»

И когда в 1902 году в расцвете славы и всеобщего признания Комиссаржевская ушла с императорской сцены, это был ответ. Большой художник, она понимала, что в эпоху могучего общественного подъема, предшествовавшего первой русской революции, театр не может опаздывать, искусство должно быть впереди.

Не удивительно, что созданный ею в Петербурге в 1904 году в противовес императорскому театр в «Пассаже», а затем на «Офицерской» Станиславский в одном письме назвал конкурентом МХТа.

Комиссаржевская своим творчеством утверждала, что «жизнь начинается там, где начинается искание правды, и что, где оно кончается, прекращается жизнь».

Ник. ЛЕОНТЬЕВСКИЙ

Комиссаржевская — Нина Заречная. 1897 год.

Рози («Бой бабочек» Зудермана). Конец 90-х годов.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ МУЗЕЙ

Портрет Л. Н. Толстого работы неизвестного художника. Подарен В. И. Фроловым, душеприказчиком В. Г. Черткова.

Портрет А. М. Горького работы художника С. Куклинского.

Пятьдесят лет назад, осенью 1914 года, три профессора и десять студентов-выпускников Московского университета собрались у молодой писательницы Е. Ф. Никитиной, чтобы ознакомиться с новинками русской литературы и обсудить прочитанное. Через неделю встретились снова. Так и повелось: каждую субботу в квартире на Селезневке проводились литературные чтения, завязывались горячие споры.

Случай натолкнул Никитину на мысль собирать книги, рукописи, фотографии с автографами. Мысль эта родилась в тот момент, когда профессор П. Сакулин делал дарственную надпись на своей книге «Из истории русского классицизма». Небольшой эпизод обернулся началом большого дела.

Квартира, на входной двери которой висит эмалированная табличка с надписью «Никитинские субботники», превратилась стараниями радушной хозяйки в необыкновенный музей. В нем собраны книги и рукописи, редкие картины и скульптуры, множество фотографий с посвящениями. Здесь хранится двадцать одна тысяча биографий и творческих автобиографий советских писателей (иные в нескольких вариантах, дополненных самими же писателями), около двадцати тысяч портретов литераторов, артистов, художников, тысячи папок с интереснейшими документами, связанными с творчеством советских писателей. Воспоминания друзей-литераторов о Есенине. Неопубликованные письма А. М. Горького и рукописи с его личными пометками: Алексей Максимович занимал большое место в творческой деятельности «Никитинских субботников». Рукописные тетради А. В. Луначарского — по его предложению было оформлено это литературное объединение и названо в честь его бессменной председательницы. Позднее при содействии Луначарского было создано кооперативное издательство под тем же названием. Оно просуществовало одиннадцать лет и выпустило свыше трехсот книг.

Евдоксия Федоровна Никитина подарила свою коллекцию народу. «Никитинские субботники» объявлены филиалом Государственного литературного музея. Е. Ф. Никитина утверждена пожизненно его хранителем.

А «субботы» продолжаются. Был вечер, посвященный творчеству Антала Гидаша, где выступал он сам и его друзья. На вечере Ильи Сельвинского выступали и его ученики — студенты-выпускники Литературного института имени Горького. На одной из «суббот» народная артистка Грузинской ССР Медея Джапаридзе и артист Николай Голубенцев экспромтом, без репетиции, исполнили отрывок из «Ромео и Джульетты». Джульетта говорила по-грузински, Ромео — по-русски, но синхронность текста и игры была полной и вызвала дружные аплодисменты взыскательных слушателей.

Константин Федин записал в книге посещений музея: «Здесь собран нигде и никогда неповторимый материал всей многонациональной — ранее всего русской культуры, материал по истории советской литературы — с ее возникновения и до наших дней».

Михаил ГРИН

Фото Г. САНЬКО.

Евдоксия Федоровна Никитина.

Портрет А. М. Коллонтай, написанный и подаренный художником А. Елецким.

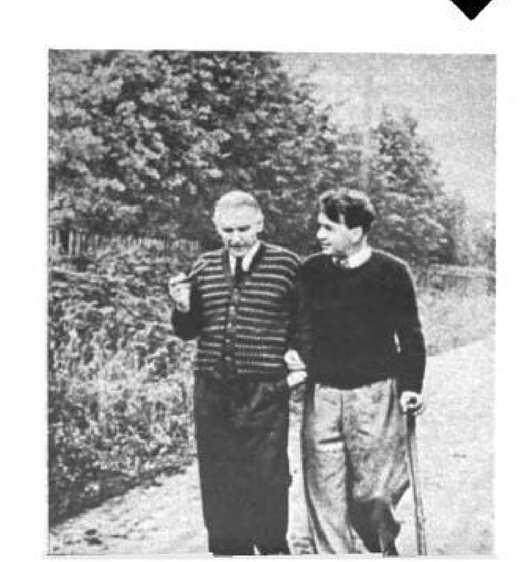

Часы из имения Гончаровых «Полотняный завод».

Медея Джапаридзе в роли Клеопатры из пьесы Шоу. Фотография подарена на вечере, посвященном памяти Шекспира, в апреле 1964 года.

К. Федин и Л. Леонов на отдыхе в Переделкине.

Нет, это не свечи (фото № 1). Ларисе Голубкиной свечи сейчас не нужны. XIX век. Шура Азарова, «Гусарская баллада» — это все стало далеким прошлым...

Настоящее и ближайшее будущее актрисы — Таня Шумова из комедии «Московские приключения», которую ставит Эльдар Рязанов. Здесь Лариса тоже участвует в бою, хотя бой этот иной. Бой с тем, кто не осознает высокой миссии заботы о человеке. С помощью молодого журналиста Татьяна наводит порядок во вверенном ей ресторане. Другие главные роли в фильме «Московские приключения» играют Анатолий Кузнецов и молодой актер Олег Борисов. Сейчас они собираются петь Тане серенаду. Перед таким серьезным занятием не грех еще раз заглянуть в сценарий (фото № 2).

Михаил Пуговкин — любимец мальчишек и кинорежиссеров (фото № 3). Ни одна смешная история не может обойтись без него. Сейчас он снимается на «Мосфильме» и у Рязанова и у Леонида Гайдая, картина которого так и называется «Смешные истории».

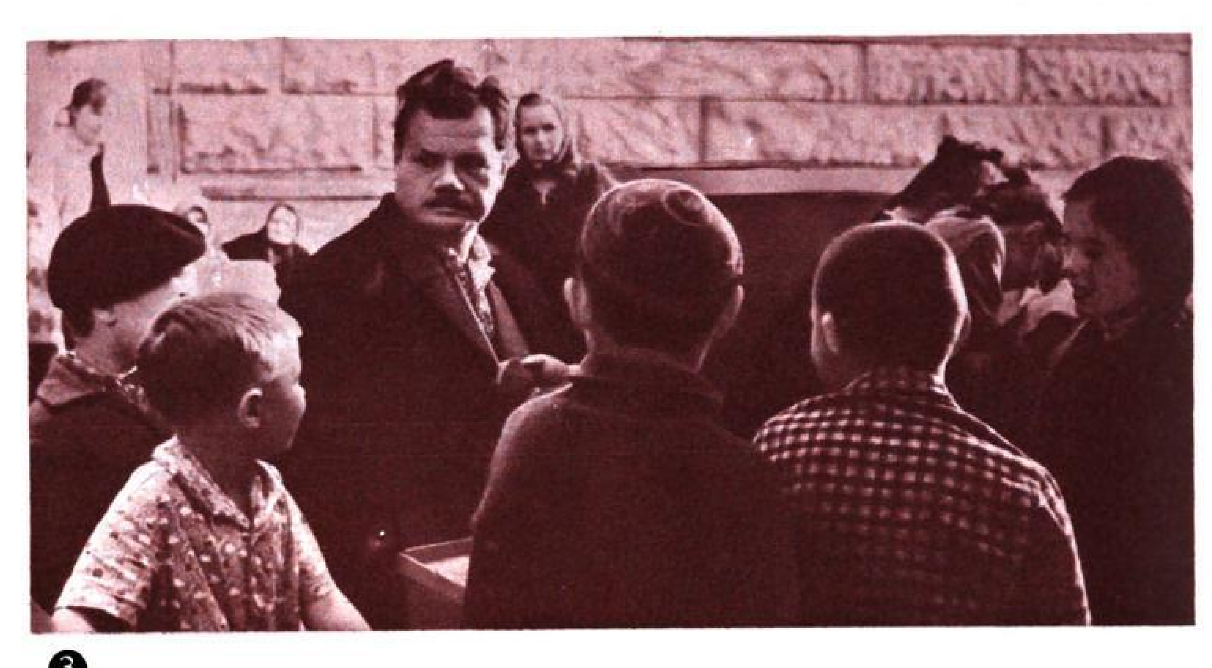
На съемке «Москвичей» у режиссера Вилена Азарова вошли в роль даже... манекены. Довольны своими ролями и молодые актеры Светлана Савелова и Алексей Кузнецов (фото № 4). Роль Сергея, дебютанта-шофера, — дебют и в кино. Только почему же тогда кажется знакомым лицо Кузнецова? Да ведь это Водонос из спектакля вахтанговского училища «Добрый человек из Сезуана», о котором писали в прошлом году газеты. Сейчас Алексей уже в труппе Театра Вахтангова, где репетирует первую свою роль; а его партнерша Светлана Савелова — учится на III курсе училища Щукина. В картине она играет учительницу музыки из Мурманска.

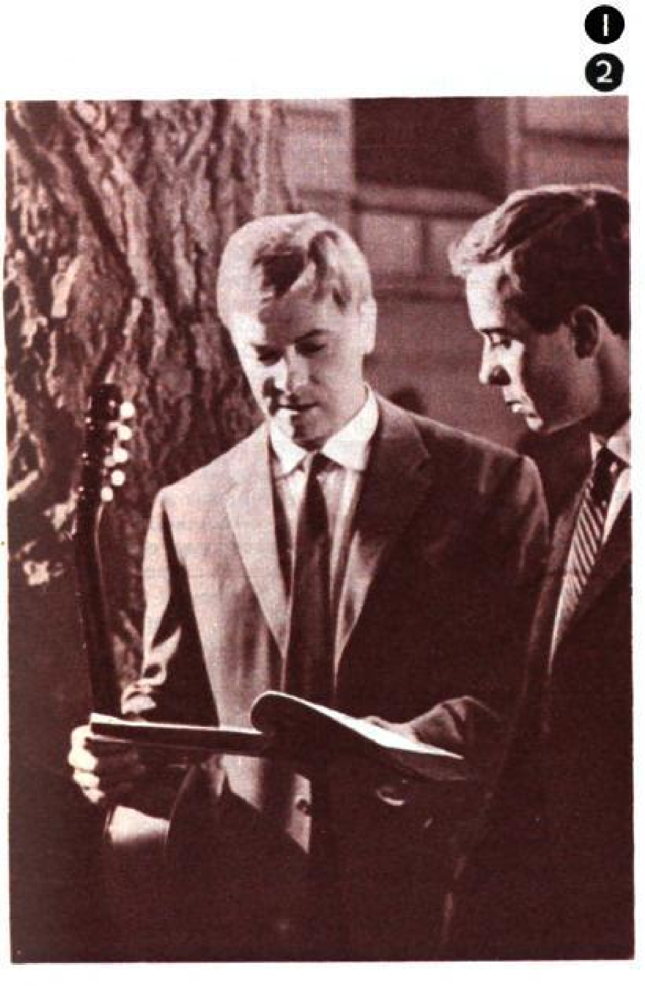
Пока режиссер Ю. Фридман снимает фильм «Зонтик», в его киногруппе случилось много неожиданностей: один актер заболел скарлатиной, другой стал получать двойки... Наконец серьезные, закаленные, ответственные исполнители главных ролей были найдены. Это второклассник Женя Орлов и ученик третьего класса Игорь Агапкин. Весело и увлекательно рассказывают они историю о том, как важно быть человеком слова. Вот только поверить в то, что сейчас стоит жаркое лето, дебютанту бывает порой трудновато (фото № 5).

И. ВЕРШИНИНА, Р. ЛИХАЧ.

фильм» снимает комедии

Протас Чухнин

Николай РОДИЧЕВ

РАССКАЗ

Рисунок Е. ШУКАЕВА.

За жиденькой цепью бревенчатых строений, прилепившихся, будто ласточкины гнезда, к крутому склону холма, дурманяще пахнут луговые травы. На фоне поблеклых от майской жарыни хлебов на взгорьях луг в низине сочен, ядовито-зелен. Из пестрой кипени цветов бесстыдно поднялись грязно-желтые метелки конского щавеля. Ржавые, почти безлистые растения эти царственно качаются под ветром: благодарят и щедрое солнце, и застоявшуюся в корневищах влагу полых вод, и несканчаемый птичий хор за даровую благодать своего существования.

Заглушая колокольчатую трель жаворонков и сентиментальный пересвист иных пичуг, из борозды близ дороги надрывно орет грач. Он волочит по земле подраненное крыло, крупно вышагивает, подпрыгивает, если с дороги к нему долетают комья земли, и со злости клюет трубчатые стебельки озими.

На пыльном большаке волтузятся двое мужчин. Они то сближаются, молча работая кулаками, то с криками хватают комья залубеневшей в колдобинах грязи. Щупленький, востроглазый Кузьма Толстых предпочитает наносить удары издалека. Ширококостный и грузный, а потому более уязвимый для обстрела, Варфоломей Степыкин норовит схватить противника за ворот и бросить под себя. Если это удается, Варфоломей тут же окарячивает Кузьму и, заграбастав обе его руки в свою одну, больно дергает стонущего от бессильной злобы человека за усы. Затем отворачивается и кидает чем-нибудь в противно орущую птицу. В последний раз он запустил в нее картузом Кузьмы.

Грач оскорбленно взметнулся над бороздой, из последних сил замахал здоровым крылом, прихрамывая в полете на больное крыло, ненадолго оторвался от земли. Птица опустилась на самую высокую былку конского щавеля и, подламывая ее, скатилась в траву. Стайка ребятни отделилась от толпы зевак, вышедших поглазеть на драку, бежит на луг. Дети шарят под листьями, сбивают прутиками шершавые лепестки с выдвинувшихся ржавых метелок щавеля.

— Мы его веревкой к дымарю привяжем!— победно восклицает малыш, добывший грача первым.

Его ровесник притворным голосом, явно подражая кому-то, предостерегает:

— А ты подумай, подумай сначала!..

Дети, а вслед за ними и взрослые у околицы понимающе хохочут, свистят, что-то беспрерывно советуют и Варфоломею и Кузьме, но подойти к ним боятся.

Насладившись местью, Варфоломей смирнеет, приподнимается с Кузьмы и медленным шагом, без оглядки направляется к деревне. Кровь сочится у него из рассеченного надбровья. Варфоломей старательно размазывает ее по лицу, чтобы вызвать жалость к себе.

Среди тех, кто оказался оторванным от домашних хлопот дракой, был и Протас Чухнин. Только Протас, выйдя из избы, не заспешил к толпе. Вот он стоит на крыльце, замерев, сложил крестом руки на животе, будто читает молитву. Но когда до него долетает смешливое слово «подумай», Чухнин вздрагивает, как от укуса слепня, ответно роняет тяжелое слово.

На Протасе длинная, расшитая по груди и предплечьям полотняная рубаха. Серые, с расплывшимися зрачками, но невыцветшие глаза красивы. Черная от копоти, перекосившаяся дверь избы похожа на плохую рамку картинно-нарядного портрета Чухнина.

Чухнин осудительно покачивает головой, выжидая, когда дерущиеся, поочередно преследуя друг друга, поравняются с крыльцом его избы. Будто в угоду Протасу, Варфоломей и Кузьма разыгрывают у самого порога один из заключительных актов своей импровизированной драмы.

— Да я тебе колом череп проломлю!—вопит пойманный за остатки располосованной сорочки Кузьма.

— Гореть твоей хате нынче, сосед!— со свирепой радостью обещает Варфоломей, садясь верхом на обидчика.

Наконец один из великовозрастных забияк ловит на себе укоризненный, скорбящий взгляд красивых протасовских глаз. Пытаясь заполучить симпатию Чухнина при неизбежном разбирательстве причин этой свалки, Варфоломей принимает смиренную позу, благодушно не отвечая на удар.

И тогда Протас Чухнин неспешной походкой мессии сходит по скрипучим, предательски

зыблющимся ступенькам крыльца. Он опускает руку на оголенное плечо того, кто ближе.

— Подумай, Кузьма... подумай, милый, что ты делаешь,— произносит Протас грудным, немного певучим голосом. При этом он указывает на полено в руках Кузьмы.

— А чего мне думать?— возражает Кузьма, будто его призывают к худому.— Свинья его, пусть он и думает...— Полено он все же роняет.

Варфоломей уже предвкушает моральное поражение противника, потому что «сам» Протас Чухнин резонит Кузьму. Отирая кровь подолом сорочки, Варфоломей неожиданно всхлипывает:

— За шелудивого поросенка жисти человеческой решить могут...

— И ты подумай!— с той же непреклонностью обращается Протас и к Варфоломею, не меняя выражения лица, ничего не суля затканными поволокой глазами.

— Ну мне-то об чем велите думать?— В скорбном оцепенении Варфоломей ответно уставляется на Протаса. Но не выдерживает пристального судейского взгляда Протаса и опускает голову.

— А об этом самом,— напирает Протас,— для чего тебе голова дадена...

Варфоломей принимает его слова как намек на жесткий нрав соседа: голова-то ведь дадена по крайней мере не для того, чтобы разъяренный Кузьма колом по ней стучал... «Надо беречь голову»,— наконец догадывается Варфоломей и отходит в сторонку.

Кузьма тоже обнаруживает готовность к примирению.

— Вот пускай нас дядя Протас рассудит,— бубнит он.

Не дождавшись суждений Чухнина, они принялись наперебой выкладывать наболевшее. Понять что-либо из запальчивых, пересыпанных узорчатой руганью объяснений невозможно. Но Протас нимало не озадачен доверием повздоривших мужчин и не пытается вникнуть в суть дела.

— Тут следовает обмозговать все рядком да ладком,— важно замечает он, полуобняв противников и опасно сблизив их лица.— Обнюхайтесь, вы же свои, нашенские... Пораскиньте мозгами, и я поищу ответа... Одним словом, подумайте!

— Подумай! Подумай!— вдруг подхватывает из толпы мальчонка лет шести и хлопает в ладоши.

Но его тут же оттаскивают в сторону. Женщина, сама исподтишка подсмеивавшаяся над Протасом, испуганно шлепает сына по мягкому месту, приговаривая:

— Ты зачем плохие слова сказывал? Нешто можно дразниться со взрослыми?! Вот я тебе!..

Мальчик недоумевает:

— И вы с тятькой его так зовете...

Женщина добавляет уже спокойнее:

— Дядя Протас тебе не мешает? Ну, скажи, не мешает? И никому не мешает...

* * *

Опамятовавшиеся после внезапной вспышки обычно дружные и вообще неглупые люди, Варфоломей и Кузьма очень даже скоро поняли каждый свою оплошность, на что и рассчитывал хитроватый Протас.

Варфоломей, не заходя в дом, принялся поправлять плетень.

Кузьма в перебранке с женой пришел к мысли, что до жнива нечего и тянуть со свиньей. А валить и освежевать скотину никто сноровистее Варфоломея не был горазд...

Сосед, томившийся от угрызения совести — из-за того, что ударил бессловесную тварь, с радостью предложил свою услугу, заметив через плетень, как супруги Толстых тужатся повалить на бок обреченную виновницу скандала...

Магарыч распивали в компании Чухнина.

— Ну и голова у тебя, Протас Хуздозадович!—пьяно восклицал Варфоломей, оглядывая уютную соседскую избу, которую он совсем недавно представлял уже обугленной.— Ну и голова!..

— Даже стыдно вспоминать об этом,— гнусавил Кузьма, обхватив покорного Варфоломея, целуя его в темя.

Протас воспринимал обильную хвалу за спасение Кузьминой избы и Варфоломеевой головы, а заодно и похвалу собственной голове, не подвергавшейся за всю жизнь никакой опасности.

— Да я што... да я бы точно так сделал, как и ты,— скромничал Протас, не обращаясь, между прочим, ни к одному, ни к другому из друзей-противников.— Но не время было тогда объявить свою думку. Потому как во всяком деле своя осторожка требуется...

* * *

Протас Чухнин считался самым осмотрительным и непогрешимым человеком в деревне. К нему шли за советом перед севом и молотьбой, хотя на загоне Протаса стеблина за стеблиною гоняются с дубиною; вдовствующего мудреца односельчане посвящали в свои семейные тайны; перед отбытием в извоз люди приходили к сидню Чухнину потолковать о выгоде и убытках затеянной отлучки из дому...

Чухнины были «плотницкого роду». Но изба Протаса выглядела ветхой. Всегда занятому, как казалось со стороны, осмыслением чужих бед хозяину из года в год не выпадало досужей минуты выпрямить притолоку скособочившейся двери, сменить подгнивший венец сруба.

После смерти измученной частыми родами жены Протаса полноправной хозяйкой стала их старшая дочь, Дуняха. От отца девушка взяла разве относительную сдержанность в речах. Впрочем, может, ей просто не оставалось времени в неизбывных заботах о шестерых сестрах перекинуться словом с подругами, задержаться на посиделках. Зато во всем остальном Дуняха поступала решительно и без проволочек. Она могла запросто влепить подзатыльник любой из подопечных, выдворить засидевшегося гостя, осадить разошедшегося в похвальбах отца.

Пока Протас отсыпался после полуночных доверительных бесед, Дуняха успевала выкосить траву у плетня, подоить корову, истопить печь, заштопать своему авторитетному родителю порты. С особым усердием она стирала и разглаживала на вальке жениховскую расшитую рубаху отца, в которую мужик обряжался поутру, садясь в ожидании гостей под икону.

Дебелая, необычайно серьезная для своих лет, ухватистая в работе, с зоревым румянцем на скуластых, тронутых оспинками щеках, синеокая Дуняха давно поняла, что в воспитании и прокормлении домашней оравы ей пособления ждать неоткуда. Разве какой добряк, изумленный соломоновой мудростью отца, принесет шапку яблок или оставит кусок солонины. Но Протас был мужик проестной, и если ему никто из детей в это время не попадался на глаза, он мог прикончить свой гонорар в одиночку.

Протас по-бабьи хмурился от хлестких упреков Дуняхи, точно так же, как прежде от гневных слов покойной супруги. Но возражал робко, смирившись с единовластием дочери в доме.

Каждодневную суету по хозяйству Протас считал недостойной своего призвания к «умственной работе».

Когда требовательные слова шестнадцатилетней Дуняхи казались особенно докучливыми, Протас, горделиво тряхнув нечесаной головой с кудрявившимися от природы волосами, изрекал:

— Не спешила бы резонить родителя... У самой дети будут...

— Хватит мне и твоих детей до седых волос!— находчиво парировала девушка, широким взмахом отцовского топора разрубая березовое полено, или загоняя в стенку гвоздь, или поправляя каблук мужских сапог — единственной «действительной» обувки в доме, сохранившейся со времен солдатской службы хозяина.

— Ну вот,— совсем тихо заключал Протас,— до чего можно договориться, не подумавши...

«Подумай» — такова уличная кличка Протаса. Не в сравнение с иными насмешливыми названиями односельчан второе имя Чухнина говорилось без обиды и даже с оттенком уважения.

При всеобщем расположении к Протасу в округе едва ли можно было сыскать старожила, который начал бы когда-то или завершил серьезное дело, использовав прямую подсказку Протаса, утолил бы жажду истины, заглянув в кладезь мудрости, каким слыл чухнинский двор.

Не мог бы, пожалуй, и сам Чухнин припомнить что-либо конкретное в своих пророческих речениях, хотя благодарность «за участие» воспринимал как должное, даже немного красуясь собою в эти минуты.

...Дальний родич Протаса Аграфен Зипунов как-то свалил под окнами провидца два мешка жита и занес в избу четверть водки. Щедрый гость едва втолковал Чухнину, за какие заслуги последовало вознаграждение... Оску-

девший от бесхлебья крестьянин совсем уже собрался покинуть фамильное гнездовье, отдать в аренду пришлому человеку клочок земли, замучивший его неурожаями. Но кто-то из приятелей надоумил отрешенного Аграфена посоветоваться с Протасом. Родич принял на полный серьез тягучую фразу радетеля: «А что, ежели повременить?.. И ты подумаешь, и я подумаю...» Пока смятенный неясными обещаниями земледелец ждал окончательного решения Протаса, подоспела пора выходить в поле с лукошком. Засеянная кое-чем, однако отдохнувшая в недороды земля полыхнула невиданным урожаем сам-двадцать...

Хотя окрестный люд и благоволил к доморощенному мудрецу и не мог не замечать его лишений, как-то не принято было давать ответных рекомендаций самому Протасу. На такое по доброте своей истовой решился лишь полоумный монах Иоахим-затворник. Проживший до зеленой бороды в Святогорской пещере на берегу Донца, повидавший свету, хожалый старец этот изъявил охотку поменять келью на избу Протаса, ежели хозяин на сбережения монаха срубит себе новое жилище, а нынешнее, освященное умилительной бедностью, отпишет божьему человеку...

Протас матерно выругал монаха и тем самым положил край всяким попыткам соваться к нему с необдуманным словом, даже если слово это богоугодно.

* * *

Однажды поутру, когда отец еще похрапывал на лежанке, а Дуняха заполняла варевом чугунки, в скрипучую дверь Чухниных протискалась целая процессия: отец, мать и отпрыск Дьяковы. Тихонький, замурзанный, вечно чему-то скорбно улыбающийся Епифан Дьяков долго струшивал у порога овсяные отруби с плеч, будто только сейчас обнаружил сор на замызганном, потерявшем первоначальный вид пиджаке.

Жена его, поясно поклонившись спящему хозяину избы, положила на край стола увесистый сверток.

Долговязый подросток зашел последним. Задев головою скосившуюся притолоку, он громко чертыхнулся вместо приветствия. Разодет парень был точно на праздник: в новом костюме из домотканого сукна, в узорчатой косоворотке. Как застоявшийся жеребчик, он перебирал ногами на месте, безмятежно похохатывал, пока старшие Дьяковы уговорами и толчками вызволяли Протаса из цепких объятий Морфея.

Дуняха давно устала от «умственных» трудов отца, а еще больше от беспрерывной сутолоки чужих людей в дому. Она даже не отозвалась на голоса ранних посетителей. Нарочито повернувшись спиной к пришельцам, девушка кочергой крошила на уголья перегоревшее полено в печи, подгребала жар к заустью.

Протас наконец увидел озабоченного Дьякова с женой у лежанки и нагловатого увальня, пританцовывающего у порога. Спросонья принял Дьяковых за сватов.

— Евдокия!— крикнул он с постели.— Сорочку мне... Енту самую, что мать на свадьбу мне приспела... Да и самой тебе пора переодеться...

— Присоветуй, кум, — начала речитативом Дьякова,— куда нам своего наследника причалить... К чему Ефимку сподобить?.. Шестнадцатый ему с заговен пошел, а малый в четвертую группу ходит... Оно бы еще ничего, да «неуды» сплошь... Рихметика заела...

— Рихметика ему — что шлея под хвост норовистому коню,— фальцетом подтвердил Дьяков. Он дважды кашлянул в кулак и добавил:— Може, к тетке в город спровадить его? Там, бают, и учителя покрепше...

Ефимка изучающе посмотрел в заспанное лицо вершителя своей судьбы и перевел не менее изучающий взгляд на крутые бедра Дуняхи, изогнувшейся так, словно она хотела в эту минуту лезть со стыда вслед за сковородкой в заустье печи.

Разочарованный тем, что ошибся в причине раннего и насильственного пробуждения, Протас долго скреб заросшую жиденькой растительностью грудь.

— Ай умишком не удался?— спросил вдруг Протас, недобро глянув на пышущего здоровьем парня.— Ростом выше Ивана Великого, а с рихметикой не совладал... Хм...

— Школа далеко от деревни... И через лес дорога,— высказала догадку Дьякова.

Но Протас не нуждался в пояснениях. Он уже настраивался на привычный наставительный лад.

— Тут, Епифан Андреевич и Аксинья Романовна, дорогие мои, разлюбезные, с кондачка решать нельзя, поскольку Ефимка — наследник ваш, как вы сами изволили оговориться... Тут, можно сказать, вами всеми, видно, с самого зачатку ошибка была допущена... А теперь что? Теперь вы безвременно ко мне и зря явились... Не подумавши, как следовает в таком разе...— Протас свесил босые ноги, посучил ими, как младенец, шумно зевнув, продолжал:— Каждому из вас надо сначала самим с собой посоветоваться, со всех сторон тут подходить следовает...

— Не волк же он,— обиделся за сына Епифан Дьяков, по-своему поняв мудреные слова Протаса,— флажками со всех сторон обкладывать не станешь...

— Волк что! — ухватился за слово Протас.— Ежели рассудить...

Но тут Протас икнул от испуга и сильно мотнул головой, уворачиваясь от явной опасности. У самого лица пророка, брызгая каплями раскаленного масла, пронеслась массивная сковорода.

Плоский снаряд опустился на глиняный горшок с детскими побрякушками, стоявший на подоконнике глухого окна. Пробужденные шумом, сестренки захныкали, заканючили, заревели на печи: собранные в огороде склянки и осколки битых тарелок были единственными в этом доме игрушками для детей.

Удар был предназначен совсем не Протасу и тем более не детским забавам. Это Дуняха таким манером отреагировала на отнюдь не мальчишескую шалость Дьякова-младшего, решившего скуки ради потревожить невнимательную хозяйку. Больше отца и Ефимки испугавшись такой выходки своей, оскорбленная ежедневными спектаклями с пустым нравоучительством, Дуняха закричала, стуча черенком ухвата об пол:

— Тетя Ксюша!.. Дядя Епифан!.. Люди добрые, до каких пор вы будете насмехаться над нами, сиротами?! Душа изболелась глядеть на это поганое действо... Какого вы совета у папани ищете — он и своим детям ряду не укажет!.. Настьке девятый год пошел, в школу пора, а валюхи некому подшить, верхнюю одежку некому справить.

Девушка вздохнула с перехватом, перевела полыхающий голубыми огнями взгляд на Ефима. Тот успокоенно торжествовал, увильнув от заслуженного возмездия.

— Ты чего лыбишься, ухажер? Не видишь, что у отца кожа от натуги полопалась? Или не знаешь, что Стеньку Шураева, молотобойца, в Красну Армию берут, место ослобоняется?.. Учителя тебе плохи здесь?.. В город захотелось?.. Книжки не даются — бери молот! Иди на конюшню на подмогу отцу!— Девушка, потрясая ухватом, двинулась на опешившего парня.— Чего бельками хлопаешь, ухажер? Марш домой! Переодевайся и мигом сюда! Слышишь? Сама в кузню поведу... А не придешь, струсишь — на посиделки не пустим. Засмеем тебя, сама частушку про тебя составлю...

У Ефима задрожал подбородок.

— Да ты горластая, ты составишь!— таращил он глаза, прижимаясь задом к двери.— А в кузню я завсегда согласный. И нечего меня припевками трогать...

Дьяковы впервые видели свое чадо покорным.

Аксинья Дьякова лишь не могла определить сразу, кому из Чухниных она обязана нежданным поворотом в решении Ефимкиной судьбы. Поколебавшись, женщина протянула сверток Дуняхе, хозяйке. Но девушка так поглядела на Дьякову, что та опрометью кинулась из избы.

...Раньше, чем к ее ровесницам, к Дуняхе зачастили сваты. Минуя высокие пятистенники с резными воротами, пренебрегая слухами о кованых сундуках с приданым у богатых сельских нарядах, сани и колесницы со звонками-колокольцами останавливались у хилой селитвы на краю оврага. Свой выбор дальние сваты объясняли просто:

— Евдокия Протасовна хоть и «голая» девка, да от умного родителя...

Зоя

Владимир ТУРКИН

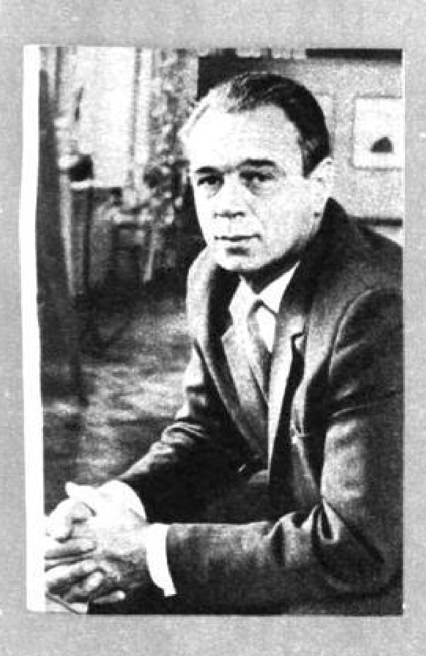
Встает из памяти живой
Блокадный город.
Снег багровый
У булочной — на мостовой.
Тела, прижавшиеся плотно.
И, скошенная, как трава,
Живая очередь
мертва
Под очередью пулеметной.

Мы забывать вас — нет, не властны.
Все это было не вчера ль?..
Подвал.
Столовка.
Возле кассы
людей усталая спираль.
Обеда час.
Такой не твердый.
И мы решаем впопыхах
Те крупяные кроссворды
На мятых карточных листках.
Язык военного режима
Отточен,
Лаконичен,
Скуп.
Пять грамм пшена,
Два грамма жира
В пайково-жидком слове «суп».
Но голод — черт с ним!— костью
в глотке!
Не страшно, что харчи бедны.
Страшнее — фронтовые сводки:
Худые — косточки видны!
Когда с газетного листка
Глядит на нас,
как в рамке черной:
«Вчера,
После упорных боев,
Наши войска
Оставили...»

И не влезают в фотоснимок
И в сводки «Совинформбюро»
Чужие танки возле Химок
И баррикады у метро...

...В холодной очереди стоя,
В один из самых рваных дней,
Я встретился глазами с ней —
С моей непрожитой весною,
С сестрой и совестью моей,
С несостоявшимся свиданьем
У школьной лестницы вдвоем...
Четыре тонких буквы — ТАНЯ
На сердце выжжены моем.

Не помню
Ни слова,
Ни лица.
Не помню, почему и как,
Весь погруженный в темноту,
Я ощутил в секунду ту,
Что не газетную страницу
Держу на дрогнувших руках,

Не с Енисея,
Не с Оскола,
Не из степного куреня,
А вон — из 201-й школы,
В трех остановках от меня.

Мы, как соседи и соседки,
Встречались в яви, не во сне,
Под тросом волейбольной сетки,
Под белым небом на лыжне,
И помню, как на той тропинке
Девчонке было не с руки,—
Склонился я к ее ботинкам
Поправить лыжные шнурки,
И так вот,
преклонив колени,
Застыл на все бы времена,
Когда бы знать мне в то
мгновенье,
Что предо мной стоит она...

Не знал...
Брожу в надежде смутной
Вдоль Тимирязевских прудов,
Зову воскреснуть ту минуту...
Но нет лыжни.
И нет следов.

И лишь позднеи,
В музейном зале,
Уже через десяток лет,
Лег у меня перед глазами,
Как Зоин след,
Ее билет,
В котором, как в моем, похожи
И срок вступленья: «с октября».
И подпись одного того же
Районного секретаря...
И снова памятью знакомой
Нахлынули минуты те:
На Масловке
В дверях райкома
Мы с ней столкнулись в суете,
И я, отпрянувши всем телом,
Я, невоспитанный почти,
Ей бросил с ходу неумело
Свое мальчишечье: «Прости...»

А тело Тани.
Тело птицы,
Убитой кем-то на лету.

Она, откинувшись, лежала
На белой простыне земли.
И по груди ее текли
Уже обрезанные жала
Еще змеящейся петли.

В тот час
Не с божьего креста,
Не со священного холста
Явилось это имя — ТАНЯ.
С клише,
С газетного листа,
Из уст в уста,
Из уст в уста,
В легенду,
В летопись,
В преданье...

Все стало мелким,
скучным,
плоским —
От книг до очереди той —
В сравнении с ее невзрослой,
С ее глубинной чистотой.
Жаль, не при ней.
Жаль, не вначале.
Жаль, поздно сказаны слова.

Так почему ж о ней молчали,
Пока она была жива?
Я упрекаю тех, кто рядом
Прошел по школьным гóдам с ней
Еще до леса,
До отряда,
До казни,
До военных дней
И в молодежной круговерти,
В потоке прозаичных дел
Ее грядущего бессмертья
Не ощутил,
Не разглядел.

А мне
В неясном ожиданье
Казалось:
Будь я среди них,
Живой прошла б девчонка Таня
Через мальчишеский дневник,
Через мою исповедальню...
Но разве в том
моя
вина,
Что представлялся слишком
дальним
Тот край, где выросла она...

Не сразу выплыло из тайны
И докатилось до молвы,
Что эта девочка не Таня,
Что это — Зоя...
Из Москвы.

Прости!
Перед твоей могилой
Я молча говорю: прости!
Что нас — мальчишек —
не хватило,
В тот час, чтобы тебя спасти,
Прости, что мне под небом
звездным
К твоей плите носить цветы,
Прости, что мне остался воздух,
Каким не надышалась ты,
Прости, что живший книжным
миром,
Не видел я, не понял я,
Как рядом проходила мимо
Судьба моя.
Прости, что солнце летом жарким
Ласкает и меня, любя...
Прости, что белые байдарки
Уходят в море без тебя,
Прости, что мне встречать
рассветы...

О, как мне далеко нести
Оставшееся без ответа
Мое наивное «прости!».

Прости, что мы глухи порою,
Прости, что слѐпы мы подчас
К необъявившимся героям,
Еще живущим среди нас.
Прости, что мы к добру инертны.
Как те духовники-попы,
Щедры мы в славе лишь
посмертной,
Но в жизни все еще скупы.

А я хочу, чтоб, если дышим,
Средь тысяч равных иль вдвоем
Мы проявлялись в самом высшем
Предназначении своем.

А я хочу — и это выйдет —
В мой начинающийся век
В тебе грядущее увидеть,
Живущий рядом человек.

К ЮГУ ОТ ПИРЕНЕЕВ

Ю. ГАВРИЛОВ

Против музея Прадо, в узенькой мадридской улочке Уэртас, чужаком среди приземистых, старых домов стоит высокое здание современной архитектуры. Одна его стена словно бы затянута сплошной соломенной шторой, на которой выделяются черный овал циферблата и стрелки часов. В этом здании находится редакция одной из крупнейших мадридских газет, «Пуэбло», а где-то за часовым циферблатом расположен кабинет директора газеты Эмилио Ромеро.

...Когда мои вопросы подходили к концу, испанские журналисты, собравшиеся у Ромеро, сказали, что у них есть только один вопрос ко мне, советскому корреспонденту:

— Каково ваше первое впечатление от Испании?

Первое впечатление? Одни говорят, что оно всегда обманчиво, другие утверждают, что оно самое верное. Первое впечатление о стране, в которой за последние двадцать пять лет побывало так мало советских людей и из которой так часто приходят вести, приводящие в гнев каждого честного человека? Но рассуждать некогда, надо отвечать. И я сказал:

— Далеко, очень далеко от Советского Союза. Во всех отношениях — на много лет назад, на тысячи километров дальше, чем до других стран. Судите сами. Пожалуй, из любого пункта земного шара можно позвонить в Москву, даже из Антарктики я разговаривал с Москвой по телефону. Из Мадрида это невозможно. Телеграмма из Испании в Советский Союз идет так, словно она не раз обегает вокруг земли.

Может быть, это и не то впечатление, которое может понравиться хозяевам, привыкшим к восторгам многочисленных туристов. Но ведь я не турист.

НА УЛИЦАХ БАРСЕЛОНЫ

Портовый район Барселоны, «Баррио чино», как его здесь называют,— это узкие каменные щели между высокими домами из темного камня. Барселонцы любят говорить, что, когда обитательницы этих домов ссорятся, они вцепляются друг другу в волосы, высунувшись каждая из своего окна.

Каменные щели портового района забиты людьми. Здесь и местные жители, чье белье, застилающее дом сверху донизу, полощется на ветру над головой, и посетители тысячи лавчонок и баров, и досужие туристы, группами и в одиночку исследующие это чрево Барселоны, и дети, занятые своими играми прямо на мостовой.

Незадачливый мусорщик опрокинул на углу содержимое своей повозки и теперь под огнем ругательств населения целого дома поспешно складывает все обратно. Мать, отогнув висящую на веревке простыню, в полный голос распекает с балкона своих детей. Два старика, усевшись у дверей и разложив вокруг рваные ботинки, размеренно постукивают молотками: идет ремонт обуви. Слышится резкий крик колесящего по улицам продавца лотерейных билетов. Шум, зной, пыль, воздух, настоянный на нищете...

— «Баррио чино» существует в его нынешнем виде с давних времен,— рассказали мне в Барсело-

не.— Это самый густонаселенный район города и, конечно, далеко не самый фешенебельный. Но поезжайте в район Вернеда, и вы увидите, что те, кто живет там, были бы рады перебраться сюда...

Я внял этому совету, но прежде через лабиринт «Баррио чино» пробрался в барселонский порт, «порт крупнейшего города на средиземноморском побережье, второй в мире по величине порт, где говорят по-испански», как рекомендуют его справочники. Гавань действительно громадная. Разгружаются и загружаются десятки судов, вдоль пирса снуют автомашины.

У одной из них испанец в майке вручную складывает в кузов короткие, тупорылые бруски белой древесины. Хуан (его имя я узнаю позднее) не очень-то склонен разговаривать с нами. Его ответы односложны:

— Откуда дерево? Из Финляндии. Повезу на побережье близ Барселоны. Там строят отель.

Он выпрямляется и, проходя к кабине, бросает в нашу сторону без особого дружелюбия:

— Все для вас строим.

— Для нас?

— Ну да.— Хуан останавливается, занеся ногу на ступеньку кабины.— Для туристов. Вы откуда?

Так вот оно что! Нас приняли за туристов. И не мудрено: за год их около восьми миллионов из разных стран проезжает через Барселону. Четыре человека на каждого жителя города. Привлекаемые красотой древних испанских городов и побережья, выгодностью обмена долларов, фунтов, марок, франков на песеты (эта выгода оборачивается ущербом для испанских трудящихся), они растекаются по курортным местечкам, заполняют отели и пансионаты. Бизнес на туризме едва ли не самый выгодный в Испании. Клочок земли близ моря, мало-мальски пригодный для строительства, стоит бешеных денег. Нередко участки побережья скупаются предприимчивыми западногерманскими или французскими дельцами, тоже торопящимися погреть руки.

После короткого объяснения с нами Хуан снимает ногу со ступеньки кабины, рассказывает о себе.

Ему тридцать три года, женат, трое маленьких детей. Живет с семьей неподалеку от порта. Работает шофером, но обычно возит разную мелкую кладь, которую сам же и грузит: «Так больше платят». Зарабатывает около четырех тысяч песет в месяц (в переводе на наши деньги чуть больше шестидесяти рублей).

— Хочу уходить с этого места. Да нет, не то чтобы работа была плоха. Подрабатывать трудно.

Ведь у нас почти никто не работает восемь-девять часов. Все прихватываем лишнего. Одиннадцать-двенадцать часов — обычное дело. Иначе не прокормишься.

Со многими людьми я встречался в Испании, и почти каждый из них работает три-четыре часа сверх обычного рабочего дня. «Иначе не прокормишься».

— Вы знаете,— оживляется в конце нашей беседы Хуан,— в Барселоне и Мадриде до сих пор еще есть несколько советских автомашин, оставшихся с нашей гражданской войны.

— Не может быть! Ведь уже столько лет прошло!..

Но Хуан уверяет с горячностью и настойчивостью.

Он оказался прав. Действительно несколько наших машин, когда-то посланных испанским республиканцам, после многих ремонтов и починок еще служат и поныне, напоминая о тех далеких героических днях, когда слова «Испанская республика» звучали как лозунг «Рот фронт!». Об этом напоминают и следы пуль на выщербленной стене дома на окраине Барселоны. И я услышал, как пожилой испанец сказал тихо: «Я тогда встречался с русскими. Здесь...»

Весь район Вернеда — бывший пустырь, где ныне сбились в кучу, прижались друг к другу сотни домов, в которых живут многие барселонские рабочие. Современная цивилизация представлена здесь лишь электричеством, иных элементарных удобств в Вернеде не существует. Часть домов лишена даже кухонь, и пищу готовят во дворике, огороженном каменным забором.

Встречаясь у колонки, немолодые женщины, пришедшие за водой, жалуются на судьбу. Эти жалобы слышны в Вернеде уже не один десяток лет, но не меняется ее облик, лишь вширь растут кварталы обездоленных.

Одна сторона улицы здесь ниже другой, потому что длинная вереница домов построена в овраге, к ним надо спускаться по ступенькам. Нетрудно представить себе, что здесь происходит во время дождя. Дом в овраге, с двориком, обнесенным деревянным забором, я фотографирую сверху. На порог, тяжело ступая, выходит хозяйка — старая испанка в длинном черном платье. Ее движения неторопливы, взгляд суров и спокоен.

— Можно я сфотографирую сеньору?

— Если сеньор сфотографирует меня, я сломаю сеньору аппарат,— звучит исполненный достоинства ответ.

Конечно, от угрозы до ее исполнения очень далеко, и мне ничего не стоило, будучи наверху, нажать затвор фотоаппарата. Но рука не поднялась, не хватило духу, как говорится, снять эту гордую бедную испанку.

Безнадежность, уныние царят в прокаленной солнцем, насквозь пропыленной Вернеде. Они исчезнут, видимо, только вместе с самими кварталами. Но когда это будет?

...Залихватское веселье, щелканье откупориваемых бутылок, смех встретили меня внезапно в самом центре Барселоны, на маленькой площади Реаль, представлявшей, по сути дела, внутренний двор большого здания, построенного в форме каре. Добрая сотня молодцов, сидевших за длинными столами, с шумом, выкриками опустошала бутылки с пивом «Сан Мигель».

Двое, забравшись на стулья, прикрепляют к стене самодельный плакат. На плакате изображены новобранец, которому вонзили пониже спины гигантский шприц, солдат во время муштры на плацу и, наконец, солдат, убегающий от летящего снаряда.

— Мы новобранцы,— объясняет рослый бородатый парень, гостеприимно пригласивший меня к столу.— Нам уже объяснили,— он иронизирует, не опасаясь окружающих,— что без нас испанской армии крышка. Значит, никуда не денешься... Да здравствует Андалузия! — Вместе со всеми он вскакивает, с лязгом чокается толстенной пивной кружкой.

— Вы из Андалузии?

— Да, почти все, только из разных деревень.

— А кто у вас остался дома?

— В том-то и дело, что почти никого.— Взгляд андалузца становится злым.— Отец слег, заболел, а сестра не хочет оставаться в деревне. Тут, говорит, из нищеты не выберешься, собирается в Валенсию. Ума не приложу, как там старики будут. Вырваться бы к ним осенью, собрать урожай...

«Баррио чино».

ГДЕ БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ ИСПАНИИ

Кастилия — сердце Испании, Мадрид — сердце Кастилии, Пуэрта-дель-Соль (площадь Ворота солнца) — сердце Мадрида.

Эта цепочка умозаключений, которую можно услышать к югу от

Пиренеев, приводит нас на вытянутую мадридскую площадь, щедро оснащенную неоновой и прочей рекламой. Среди достопримечательностей площади — главное полицейское управление, громадный дом, по фасаду которого написано, что он продается и никак не может найти того, кто заплатил бы за него 550 миллионов песет, универмаг «Галериас Пресьядос», расположенный поблизости и принадлежащий жене диктатора Франко.

Пуэрта-дель-Соль — и в самом деле почти точный географический центр страны. Во всяком случае, с этой площади начинают отсчет все главные дороги внутри Пиренейского полуострова. А сердце Испании? О нет, здесь, в кварталах, где теснят друг друга самые роскошные магазины, где роятся любопытные, а порою пресыщенные туристы, где по вечерам нескончаема река дорогих, последних марок автомашин, здесь сегодня не слышно биения сердца Испании! Оно ощутимо сегодня в рабочих кварталах Мадрида, на севере страны, в Астурии, когда поднимаются на борьбу шахтеры, доведенные до отчаяния нищетой, это биение слышно в протесте безземельных крестьян и батраков в Андалузии, на юге, в решимости рабочих на заводах и фабриках Барселоны и других городов, когда они объявляют забастовку.

...Человек шесть рабочих неторопливо, под знойным мадридским солнцем ведут кладку второго этажа большого здания. По деревянной лестнице поднимаюсь наверх. Знакомимся. Пожилой испанец в синем комбинезоне и соломенной шляпе — старший среди строителей. Вытирая руки о комбинезон, он объявляет с улыбкой:

— Гостей принимаем только в гостиной. К тому же время обедать. Эй, парни, кончай!..

Стены, поднявшись на два десятка сантиметров, уже очерчивают контуры будущей квартиры второго этажа. В самом большом помещении старший среди рабочих Педро ставит на груду досок солидную оплетенную бутыль вина, до того припрятанную где-то в тени.

— Вот это и есть гостиная,— говорит Педро.

— Чего доброго, тебе здесь так понравится, что и уходить не захочешь.— Строители смеются, пристраиваясь у груды досок и вынимая припасы.

Дом, который они возводят, расположен неподалеку от центральных магистралей Мадрида.

— Сколько будет стоить квартира в доме? — Педро переспрашивает меня и обдумывает ответ.— Первый взнос за квартиру в три комнаты, пожалуй, тысяч восемьдесят, остальное — в рассрочку. Трудно сказать, сколько всего, пока строим — еще подорожает. Мне, конечно, не по карману. Вот если Хуану повезет...

Хуан, тридцатилетний сын Педро, в прошлом году уехал на заработки за границу. Сначала был во Франции, сейчас — в Западной Германии.

— Немного деньжат собрал,— говорит Педро,— но кто знает, как пойдет дальше. Не дай бог, заболеет.

«Собрать деньжат» — с этой мыслью около ста тысяч испанцев каждый год уезжают за рубеж. Они вливаются в огромную армию иностранных рабочих, кочующих по развитым европейским странам. Они лишены каких бы то ни было прав, их нещадно обирают и эксплуатируют в ФРГ, Франции, Италии, но даже и в этих условиях им удается заработать больше, чем на родине.

— Почему наши рабочие едут за границу? — Министр Хосе Солис Руиз, председатель объединения франкистских профсоюзов, которому я задал этот вопрос, добродушно разводит руками.— Испания всегда была страной эмигрантов. Что поделаешь, это в крови!

Как же все просто для господина министра!

И как все сложно для старого Педро и его товарищей, живущих надеждой на удачу, на то, что наконец «повезет»!

...По другой стороне улицы движется представитель «гуардиа сивиль», гражданской гвардии, служащей одним из оплотов режима Франко. Этих гвардейцев в серой форме полно на улицах испанских городов; их узнаешь сразу по необычному головному убору — каскетке с козырьком, поднятым сзади. «Трикорнио» (три рога) называют его.

— Эти вам здесь не надоедают? — Рабочие показывают на гвардейца.

Надоедают? Как сказать? Без внимания не оставляют. Конечно, те, кто без формы. В Барселоне, например, некто, отрекомендовавшийся аптекарем и затруднявшийся объяснить, где он выучил русский язык, часа четыре сопровождал меня всюду, куда бы я ни шел. Даже на званом обеде он был моей тенью. Позднее выяснилось, что с полицейскими приемами он знаком гораздо лучше, чем с фармакологией...

А вот в испанских деревнях я, как мне кажется, был без соглядатаев. И крестьяне не боялись говорить обо всем напрямик.

Поезжайте по любой дороге на юг или на запад от Мадрида, сверните в сторону километров через сорок — пятьдесят, и вскоре среди оливковых рощ вы наткнетесь на кастильскую деревню. Это — скопище сложенных из камня хижин, стоящих на выжженной солнцем земле. Наверно, так они выглядели и век и два назад.

Хозяин одного из первых же домов выходит мне навстречу. Следом за ним, откинув полог, заменяющий дверь в дом, с большим кувшином в руках появляется его дочь. Она тоже не прочь вступить в разговор, но отец Грегорио Дупуи отправляет ее прочь:

— Ступай за водой, Пиляр.

Грегорио (несмотря на жару, он в кепке и черной жилетке поверх белой рубахи) — по местным понятиям, зажиточный хозяин. У него есть земля. Этим сказано все. Есть земля и нет земли — вот водораздел между испанскими крестьянами. У кого нет, те батраки, они исчисляются миллионами. И в то же время есть сотни крупнейших латифундистов, владеющих огромными поместьями.

— Земля есть,— Грегорио медлит, ему не очень хочется признаваться в том, что он ничем не отличается от обычного батрака.— Гектара полтора в разных местах вокруг деревни. Только не родит она: скалистая.

Несколько клочков каменистой почвы, за которые держится семья Дупуи, не приносят ей ни одной песеты дохода.

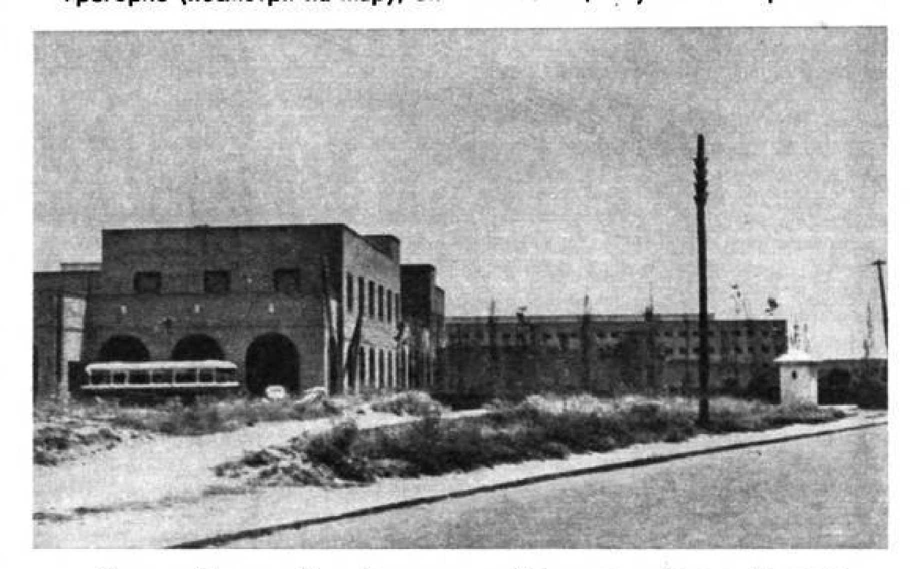
— Попробуй-ка вырастить что-нибудь на этой земле.— Пиляр возвращается с полным кувшином воды.— Ни помидоры, ни картошка... Иди домой.— Старик сурово обрывает дочь.— Без тебя есть кому сказать.

Да, этой землей не прокормишься. Раньше сам Грегорио уходил на заработки, а теперь хворать стал. Муж дочери — батрак, работает в соседней деревне у хозяина. Здесь выращивают помидоры, маслины, на холмах — пастбища... Кое-как перебивается семья Дупуи.

— И почему это,— вырывается у Грегорио,— у одних землю глазом не окинешь, а другим и ногу поставить негде?

Вопросы, на которые пока нет ответа. Они встают перед миллионами испанцев.

Где бьется сердце Испании? Мне вспоминаются слова астурийского шахтера, сказанные в беседе со мной: «Четверть века прошло, но испанцы не забыли вкуса свободы».

Мадрид. Тюрьма Карабанчель, где был заточен Хулиан Гримау.

МАНУЭЛЬ БЕНИТЕС ИЗ КОРДОВЫ

Небольшой номер одной из лучших мадридских гостиниц «Веллингтон».

Хозяин гостиницы и группа друзей окружают невысокого, сухощавого молодого человека. Он то и дело отбрасывает рукой волосы, падающие ему на глаза, весело переговаривается с остальными, громко смеется, шутит...

В общем веселье, царящем в комнате, неуловимо проскальзывают нотки какой-то напряженности, нервозности. Это ощущение усиливает и присутствие трех монахов, стоящих в стороне и лишь изредка растягивающих губы в слабом подобии улыбки. «Они очень любят его»,— сказали мне, указав на молодого человека.

А тот вытянул обе руки вперед, и запястья их плотно перевязывают широкими бинтами. Затем ему помогают надеть обтягивающий его красочный костюм, расшитый золотом.

Идет обряд одевания тореадора, готовящегося выступить на мадридской корриде, на «Пласа де торос» («Площадь быков»). Отсюда это ощущение скрытой нервозности. Есть неписаные законы, по которым проходят эти тридцать — сорок минут. Тореадор должен готовиться к корриде обязательно вне своего дома, в узком кругу друзей и почитателей. В это время нельзя говорить о смерти, запрещено обсуждать предстоящий поединок. Нужно шутить и смеяться, тореадор должен выйти на арену веселым, уверенным.

И молодой светловолосый человек в гостинице «Веллингтон» шутит и смеется.

Его зовут Мануэль Бенитес из Кордовы, или просто Кордовез — имя, известное каждому испанцу. Знаменитый Кордовез,— лучший тореадор Испании, миллионер, смельчак, которому нет равных, баловень судьбы.

Я хочу рассказать о корриде и о Кордовезе не только потому, что чуть ли не первый вопрос, который мне задавали по возвращении из Испании, был: «Бой быков видел?» Нет, я решил рассказать об этом потому, что коррида — неотъемлемый элемент нацио-

Продавец всякой всячины на улицах Барселоны.

нальной жизни страны за Пиренеями.

Признаться, я шел на бой быков не без предубеждения. Беспомощное животное против вооруженного человека — вот схема, из которой рождалось это предубеждение, достаточно сильное, чтобы его могло поколебать что-либо, кроме... корриды, увиденной собственными глазами.

Весь ход корриды, все этапы и перипетии этого красочного зрелища описаны более чем выразительно многими авторами (и прежде всего, конечно, Хемингуэем). Поэтому мне лучше отказаться от попыток следовать им. Скажу лишь, что на «Пласа де торос» я попал не на бойню, как ожидал, а на своеобразное и яркое представление, на средневековый турнир, если угодно. Пение труб перед очередным этапом турнира, четко рассчитанная, освященная веками церемония смены тореадоров пикадорами (всадниками), а пикадоров — бандерильерами, вооруженными короткими дротиками, разноцветные ритуальные костюмы, строгий, подчиненный определенным правилам характер опасной, рискованной игры с разъяренным быком — на всем этом и в самом деле лежит отпечаток древности, давних традиций, укоренившихся в национальной жизни.

Бесспорно, коррида — опасное и, может быть, жестокое представление. Но бесспорно также и то, что, подобно андалузским пляскам, собачьим бегам или песням студентов, исполняющих серенады в вечернем Мадриде на радость публики и девушек-избранниц, бой быков — это тоже выражение национального характера испанцев, национального темперамента. Конечно, профессия тореадора требует бесстрашия и риска, но разве не требуют того же — пусть в меньшей степени — скачки на лошадях, бокс, даже любительский, горнолыжный спорт или альпинизм?..

— Если Кордовез не получит в награду хотя бы одно ухо, лучше не заходите к нему вечером. Настроение у него будет не для беседы,— сказали мне после того, как тореадор под восторженные возгласы толпы, собравшейся у гостиницы, сел в машину и поехал на «Пласа де торос».

Арена для боя быков напоминает цирк под открытым небом, где поле ограждает высокий забор. На мадридской корриде собирается обычно более двадцати тысяч человек. Подавляющее большинство из них — тонкие знатоки, способные со всеми нюансами оценить каждое движение и тореадора и быка.

...С замирающим сердцем слежу за отчаянно смелыми, уверенными приемами Кордовеза на арене. Каждые несколько секунд слышится двадцатитысячный вздох и возгласы: «Мучо! Муй бьен!» («Здорово! Очень хорошо!»). Особое восхищение его смелость вызывает у молодежи, среди которой сотни стремящихся выступить в его роли. В прошлом году молодые люди, жаждущие выступать на арене, провели даже несколько сидячих забастовок протеста в испанской столице. После этого специально для них была выстроена небольшая арена, где они могут учиться ремеслу тореадора, постепенно постигая все тайны этой нелегкой профессии, внешне такой блестящей.

Кордовез заканчивает свое выступление. Громадный бык, весящий раз в девять больше человека, повергнут по всем правилам корриды. Что творится на трибунах! На арену летят шляпы и шляпки, женские накидки и авторучки, двое-трое мужчин срывают с себя пиджаки и, скомкав, бросают вниз, кто-то выпускает на арену живую курицу. Радостно улыбающийся Кордовез совершает несколько кругов почета, поднимает шляпы и бросает их зрителям, которые, размахивая белыми платками — знак восхищения,— требуют присудить ему высшую награду: два уха и хвост убитого быка. Однако строгий президент корриды присуждает матадору лишь два уха. Это — тоже очень редкое достижение на мадридской арене.

Вечером в том же номере гостиницы «Веллингтон» Мануэль Бенитес из Кордовы, отвечая на мои вопросы, рассказывает о себе.

Всего четыре года назад он был одним из многих тысяч простых испанских рабочих, работал строителем и в полной мере познал лишения и голод. Выбиваясь из нужды, избрал Кордовез профессию тореадора, где благодаря редкому бесстрашию и мастерству быстро вышел на первые роли.

Сейчас ему двадцать восемь лет, и он разъезжает по всей Испании, где его знают и любят. Любят не только за смелость и искусство, но и за простоту, общительность характера, за то, что он не забыл тех лишений, которые по-прежнему являются уделом миллионов его соотечественников.

Рассказывают, что в его доме в Кордове, где он бывает теперь редко, каждый день варят обед, на который может прийти любой голодный. Ежедневно там обедает не один десяток человек. Когда Кордовеза спросили, для чего он это делает, ведь всех не накормишь, он ответил кратко:

— Я слишком хорошо знаю, что такое голод.

Он всегда готов помочь беднякам, но не всегда доверяет разным благотворительным организациям, которые обращаются к нему, и, по рассказам, однажды сам роздал нуждающимся два грузовика одеял на площади маленького городка.

Конечно, в этом много наивного тщеславия, игры в популярность, но есть и искреннее желание помочь и поддержать тех, кому в Испании не улыбается жизнь. А ведь таких миллионы.

Кордовез скопил немало денег и получил семнадцать ранений на арене. (Я видел его ноги, исполосованные шрамами.) Семнадцать раз изменяли ему хладнокровие и выдержка.

Недавно я прочел очередное сообщение о его смерти на арене. Я хочу надеяться, что оно так же неверно, как и все предыдущие...

* * *

Пестры и разнообразны впечатления, вывезенные из Испании. Калейдоскоп лиц, десятки встреч, сотни улиц незнакомых городов. Где путеводная нить в этом лабиринте? Пусть ее составят сердца друзей, приобретенных мною в Испании, сердца людей, чьи взгляды теплели при упоминании о Советском Союзе, всех тех испанцев, после встреч с которыми я верю в будущее страны, что к югу от Пиренеев.

Открываю глаза и ничего не могу понять. Где я?

В помещении полутемно. Над самым ухом кто-то стонет. Рядом горит печь: левый бок немилосердно жжет, а на одеяле, которым я укрыт, лежат пятна багрового света. Пошевелиться нет сил. Мне очень больно, но я не могу разобрать, где именно болит. Боль рвет все тело, мутит сознание. Хлопает дверь, раздается властная команда:

— Ахтунг!..

Входят и направляются прямо к моей койке два подтянутых немецких офицера — полковник и подполковник. За ними, отставая на полшага, поторапливаются унтер и врач в белом халате.

Офицеры останавливаются и некоторое время рассматривают меня в упор.

— Пленные показали,— сухо произносит наконец полковник на чистом русском языке.— Пленные показали, что вы — командующий девятнадцатой армией. Чем можете доказать?

Слова доносятся до меня, как сквозь вату.

— Мне нечего доказывать. У меня даже нет обмундирования...

Унтер-офицер быстро нагибается и достает из-под койки китель с генеральскими петлицами. Привычными движениями вытаскивает из грудного кармана удостоверение личности, а из внутреннего — партбилет.

— Битте, герр оберст!

Полковник бегло просматривает партбилет и бросает его в печку. С трудом поворачиваю голову и скашиваю глаза. Красная книжечка, кажущаяся в огне еще краснее, коробится, выгибается, потом сразу вспыхивает и сгорает, разбрасывая искры.

— Это вам больше не потребуется,— говорит полковник, видимо, заметив мой взгляд.— Почему в вашем удостоверении значится, что вы — командующий не девятнадцатой, а шестнадцатой армией?

Удостоверение он изучает внимательно.

— Мы ждали господина генерала еще под Смоленском, когда он был командующим шестнадцатой и двадцатой,— вмешивается в разговор подполковник.— Но там ему дважды удалось вырваться из котла.

— Нам известно, что вместе с вами были еще пять генералов,— говорит полковник.— Укажите маршрут их движения!

— А если б вы были на моем месте, тоже указали бы маршрут?

Полковник внимательно смотрит на меня, но ничего не отвечает. Потом прикладывает пальцы к козырьку фуражки.

— Честь имею!

Немцы уходят. Врач откидывает одеяло. И только тут, увидев забинтованную культышку, я понимаю, что у меня выше колена ампутирована правая нога.

Итак, я в плену. Одной ноги у меня нет, другая перебита в двух местах. Правая рука раздроблена. Армия, которой я командовал, погибла. Зачем мне жить? И, сделав

В редакцию пришло письмо. Его автор — Петр Павлович Кругликов из поселка Чебсара, Вологодской области, пишет нам: «В номере 31 журнала «Огонек» за 1964 год, в очерке «Бессмертник», я встретил имя генерал-лейтенанта М. Ф. Лукина. В годы войны мне тоже пришлось хлебнуть горя в гитлеровском плену. И вот вспомнился такой случай.

Однажды часов в десять или в одиннадцать утра в ворота нашего лагеря под Нюрнбергом въехал крытый грузовик. Сначала из него выскочили пять эсэсовцев (видимо, охрана), которые тут же скрылись в здании комендатуры. За ними тяжело перевалил через задний борт и стал, опираясь на костыли, какой-то военный. Я пригляделся и чуть не ахнул: на лагерном дворе стоял советский генерал! Его лицо было изможденo и выглядело хмуро. Но борода была аккуратно расчесана надвое, и голову он держал высоко и гордо. Я узнал его: это был генерал-лейтенант Лукин.

Волнение охватило меня. Промелькнула мысль: «Надо что-то сделать. Пусть генерал знает: хоть он и в лагере, но среди своих!.. Эх! Была не была!..»

И я, насколько мне позволял ослабевший от каторжного труда и голода голос, подал команду:

— Лагерь! Смир-рна-а!

Весь лагерь замер. Кругом установилась мертвая тишина.

Печатая строевой шаг изодранными ботинками, я подошел к генералу, как положено по уставу, остановился в трех шагах и вскинул руку к пилотке.

— Товарищ генерал-лейтенант! — отрапортовал я.— В лагере находятся русские военнопленные. За истекшие сутки от голода и мучений умерло столько-то. Но мы не сдаемся, товарищ генерал!..

Генерал слушал меня молча и торжественно, и даже на костылях его фигура сохраняла строгость и подтянутость.

— Вольно! — сказал генерал, когда я кончил свой рапорт.

Он шагнул было ко мне, может быть, хотел пожать мне руку. Но в это время в комендатуре загрохотали сапоги эсэсовцев, дверь с треском распахнулась, и мне пришлось спрятаться за спины товарищей...

Потом эсэсовцы долго разыскивали меня, но лицо они не приметили, а товарищи меня не выдали...»

Известно, что Михаил Александрович Шолохов постоянно встречается с интересными людьми. Среди его друзей — люди самых разнообразных профессий и удивительных судеб — и те, кто поднимал первые колхозные поля на Дону, и те, с кем М. А. Шолохов познакомился на фронте во время войны, и те, кто испытал тяжкую долю в годы культа личности. Как известно, в эти страшные годы гибель угрожала и самому писателю. Если бы не его друг Иван Погорелов, который вовремя предупредил о грозящей опасности,— Михаилу Александровичу не миновать бы смерти...

Не так давно М. А. Шолохов встретился с генералом в отставке Михаилом Федоровичем Лукиным.

Судьба этого человека поистине необыкновенна. Наверное, в недалеком будущем мы еще встретимся с генералом Лукиным на страницах новой книги М. А. Шолохова. А пока мы попросили Михаила Федоровича поделиться своими воспоминаниями с читателями нашего журнала.

неимоверное усилие, я левой рукой срываю повязки...

Меня подхватывают, переносят на операционный стол, делают укол. И я засыпаю...

* * *

Так закончился этот день — самый тяжелый в моей жизни. Но прежде чем поведать о том, что было дальше, хочу рассказать, как я очутился в безвыходном положении...

Я хочу вернуться на неделю назад, в хмурые, осенние леса под Вязьмой, к тому времени, когда я еще был командующим 19-й армией, которая, сдерживая бешеный натиск врага, с упорными боями, шаг за шагом отступала к столице...

В ночь с 12 на 13 октября артиллерия и дивизион «катюш» 19-й армии дали последние залпы, и мы предприняли последнюю попытку вырваться из окружения. Двум дивизиям удалось в ту ночь прорваться, но они не удержали флангов, и враг вновь замкнул кольцо. Теперь у меня не оставалось более никаких надежд.

Мы сидели на поляне, в небольшом лесочке. Моросил дождь пополам со снегом. Изредка раздавались одиночные выстрелы. Видя, что армия агонизирует, враг, потягиваясь, как сытый кот, выжидал, не предпринимая атак.

Все — офицеры штаба и командиры соединений, которых я вызвал на это последнее совещание,— молчали и смотрели на меня. Смотрели с надеждой. Я видел по глазам многих, что от меня ждут чуда. Но никакого чуда я свершить не мог. В армии не осталось ни горючего, ни снарядов, ни продовольствия. На исходе патроны. Никакого маневра на крошечном пятачке, окруженном со всех сторон почти тридцатью танковыми и механизированными дивизиями противника, совершить невозможно.

И все-таки я медлил, прежде чем отдать последний приказ...

Что может быть горше положения военачальника, который лишен возможности руководить подчиненными ему войсками?! Я представлял себе голодных, измученных и израненных, почти безоружных солдат, которые лежали в этот момент в обороне, не имея понятия, почему и как они оказались в таком безвыходном положении. Многие из них, наверное, с горечью вспоминали довоенные лозунги: «Бить врага на его территории, малой кровью, одним ударом». И уж, конечно, во всем винили своего командующего. Может быть, даже подозревали его в предательстве. Ведь совсем еще недавно в войсках читали приказ Сталина, в котором говорилось о том, что расстреляны три генерала: Павлов, Климовских, Григорьев... Изданный в спешке, необдуманный, этот приказ послужил источником слухов о предательстве. Во время боев за Смоленск какой-то слабонервный солдат с криком «Генералы нас предали!» бросился на меня и чуть не проткнул штыком.

— Управлять армией...— произнес наконец я и сам не узнал своего голоса.— Управлять армией и вывести вас из окружения я более не в состоянии. У меня нет к этому средств. Приказываю сжечь машины, взорвать орудия и выходить отдельными группами под руководством командиров частей и соединений.

К концу 13 октября армия стала разбиваться на группы, которые расходились в разные стороны в поисках места для прорыва.

В той группе, с которой двинулся я, находились заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Болдин, командующий АБТ фронта генерал-майор Мостовенко, начальник материального снабжения генерал-майор Андреев, член военного совета бригадный комиссар Ванеев и начальник штаба 19-й армии комбриг Малышкин.

В плену мне еще раз довелось повстречать Малышкина. Но об этом позже.

Не буду рассказывать, как бродили мы по тылам противника, пытаясь перейти линию фронта. Пробраться к своим мне не удалось, и я, тяжело раненный, в бессознательном состоянии попал в плен...

* * *

С ноября по декабрь я пролежал в смоленском госпитале для военнопленных. Легко представить, что это было за учреждение и в каких условиях содержались в нем наши раненые — об учреждениях подобного типа много писалось. Замечу лишь, что ежедневно в этом госпитале умирали 300—400 человек, не столько от ран, сколько от недоедания, невыносимой грязи и полного отсутствия медикаментов.

Раны мои не заживали.

Однажды ко мне пришел врач, сопровождаемый двумя санитарами с носилками, и сказал, что меня хочет повидать какой-то штатский. Санитары подняли меня с пропитанного гноем и кровью, вонючего матраца и перенесли в контору. Там у стола сидел человек.

— Вы не узнаете меня? — спросил он по-русски.

— Впервые вас вижу.

— А ведь я в вашей армии служил!

— Что вы хотите мне сказать? — спросил я резко.

— Видите ли, господин Лукин, положение на фронте не в пользу Красной Армии. Всюду побеждает новый порядок Гитлера. Вам придется плохо в плену, если вы не найдете общего языка с германским командованием... Вы должны работать для русского народа...

— Я и так всю свою жизнь работаю для русского народа! — перебил я.— А ты — предатель и изменник! Да как ты смел мне, советскому генералу, предложить такое?! Пошел вон, мерзавец!

Он что-то еще пытался объяснять, но я не стал его слушать.

— Немедленно унесите меня отсюда! — что есть мочи закричал я.

Через два дня ко мне пришли два немецких офицера. Прежде чем начать «деловой разговор», один из них — майор — довольно долго распространялся о том, что много лет жил в России и даже учился в русской гимназии.

— Так вы пришли ради того, чтоб сообщить мне об этом? — не вытерпел наконец я.

Немец, как мне показалось, смутился.

— О нет, герр генерал! Просто вы очень дурно обошлись с тем русским, который сотрудничает с нами...

— С кем это — с вами?

— С нами, с командованием германской армии. Этот господин очень обижен... Вы его глубоко оскорбили...

— Он изменник и предатель. Я не желаю с ним разговаривать!

— Ну и не нужно! Он вам что-нибудь предлагал?

Я не ответил. Немцы переглянулись.

— Хорошо,— сказал один из них.— Пока мы ничего от вас не требуем. Но вы генерал. Вы тяжело ранены на поле боя. Мы, немцы, умеем ценить воинскую доблесть... Мы хотели бы улучшить условия, в которых вы содержитесь, перевести вас в другой, более приличный госпиталь. Как вы относитесь к этому?

Я задумался. Мне было ясно, что эти гитлеровские офицеры хотят меня как-то использовать в своих целях. Но со времени моего пленения прошло более двух месяцев. Оперативные данные о 19-й армии их уже не могли интересовать. Следовательно, им требуется нечто иное. Они думают подкупить меня. Но что же им нужно?.. В эту минуту я почти пожалел, что не дослушал до конца предателя, который приходил ко мне накануне, и не выведал их планов.

— Так как же вы относитесь к переводу в более подходящие условия? Например, в немецкий военный госпиталь? — настойчиво повторил немец.

Мое состояние оставалось чрезвычайно тяжелым. Нечего было и думать о выздоровлении в госпитале для русских военнопленных. Но если я соглашусь, не пойду ли я на сделку с врагом? Тут я вспомнил о своем товарище, тяжелораненом генерал-майоре Прохорове, который лежал вместе со мной... Ему тоже, как и мне, угрожала медленная и мучительная смерть.

— Ладно,— ответил я.— Можете перевести меня в другой госпиталь. Но только в том случае, если со мной вместе будет переведен и генерал Прохоров. Это — мое обязательное условие.

По лицам немецких офицеров я понял, что мое условие пришлось им не очень-то по вкусу. Тем не менее они согласились.

Меня и Прохорова перевели в немецкий госпиталь и положили в одну палату. К нам даже прикрепили старушку — жительницу Смоленска, которая не успела эвакуироваться, и эта старушка за нами ухаживала. Ухаживала за нами еще и санитарка по имени Наташа Дровяникова, тоже местная жительница. Однажды Наташа принесла нам из дому отличного наваристого борща, а старушка дала к чаю меду и сухарей, которые раздавали немецким раненым. Когда мы все это ели, в нашу палату вошла медсестра-немка. Она отхлестала по щекам и старушку и Наташу Дровяникову, и с тех пор ни ту, ни другую мы более не видели...

Что бы там ни было, в немецком госпитале условия были несравненно лучшими, наше природное здоровье взяло верх над ранами, и они стали понемногу заживать.

Как только мне стало несколько лучше, к нам в палату явился немецкий офицер. Усмехаясь, он вытащил из кармана бумажник и разложил передо мной документы. Это было удостоверение личности, партийный билет, личные письма и фотографии генерала Качалова.

— Узнаете? — спросил офицер.

Я пожал плечами.

— Качаловых у нас много. Есть, например, знаменитый артист Качалов.

— Не прикидывайтесь, генерал! — сгоняя с лица улыбку, сказал немец.— Это командующий армией, генерал Качалов! Он убит нашими войсками в бронемашине...

Я не отвечал.

— Теперь у вас он объявлен врагом народа,— продолжал офицер.— Его семья подвергается гонениям. А у нас он бы считался героем, его наверняка наградили бы железным крестом! Понимаете разницу, генерал?

Я уже понял, к чему он клонит. Я понимал, что офицер явился неспроста, что весь этот разговор — лишь одно из звеньев подготовки к чему-то важному, чего хотят добиться от меня гитлеровцы...

Офицер встал и направился к двери.

— Советую серьезно подумать о вашей судьбе и о том, что предпринять дальше! — сказал он, стоя на пороге.

— Как ты думаешь? Правду это он... о Качалове? — спросил я у Прохорова, когда немец вышел.

— Все может быть, Михаил Федорович! — с горечью откликнулся Прохоров.

К этому времени мы уже знали, что генерал Качалов не сдавался в плен, как это было сказано в приказе Сталина, обвинившего генерала в предательстве.

Значит, он убит, и немец говорил правду...

После войны я узнал подробности гибели генерала Качалова. В тот момент, когда к командному пункту 28-й армии прорвались гитлеровские танки, генерал Качалов бросился в бронемашину. Он хотел повести за собой людей, в последний раз попытаться вырваться из окружения. Но тяжелый снаряд попал в броневик, и Качалов был убит.

Между тем адъютант Качалова, прокурор и председатель военного трибунала 28-й армии, после того как они вышли из окружения, желая выгородить себя, сообщили, что генерал, увидев немецкие танки, сорвал с себя знаки различия и ордена и побежал сдаваться в плен...

Этих, как выяснилось позже, совершенно ложных, ни на чем не основанных обвинений оказалось достаточно для того, чтобы обвинить Качалова в предательстве и репрессировать его семью.

...В феврале сорок второго нас привезли в Берлин, в канцелярию одного из лагерей. Немецкий фельдфебель, который вышел к нам, окинул нас насмешливым взглядом и сказал на ломаном русском языке:

— На первый январь цвай миллионен руссише кригсгефангенен есть умер, герр генерал... Ви понимайт?

Мы и без него понимали, что нас ждет.

Внутри лагеря военнопленных был расположен второй лагерь — для русских. Мы оказались за двойным кольцом проволочных заграждений — во внешнем кольце находились военнопленные других государств. Паек наш состоял из двухсот граммов нечищеной картошки, литра супа из брюквы и двухсот пятидесяти граммов эрзац-хлеба. Русские узники лагеря называли свой паек «смертельным».

Военнопленные других государств снабжались значительно лучше. Им полагались маргарин, картофельный суп и даже кое-какие мучные изделия. Представитель швейцарского Красного Креста, который как-то посетил наш лагерь, на мой вопрос, почему нам не оказывают никакой помощи, ответил, что Советский Союз отказался подписать Гаагскую конвенцию и поэтому Международный Красный Крест ничего сделать для нас не сможет.

— Видимо, ваша страна собиралась воевать без военнопленных,— не без издевки добавил он.

Тем не менее мы жили. Во всех лагерях, в которых мне пришлось побывать, узники других государств, зная, что у нас «смертельный паек», тайком передавали нам продукты, иной раз даже курево.

В один из январских дней 1943 года ко мне явился генерал-предатель Власов. Его сопровождал фашистский майор — тот самый, который перевел меня и Прохорова в немецкий госпиталь в Смоленске.

Власов был в длинном черном штатском пальто, которое делало его еще выше и сутулее, чем на заседании военного совета Наркомата обороны в начале сорок первого, когда я видел его в последний раз. Он встретил меня стоя. Щелкнул каблуками и приложил руку к полям фетровой шляпы на немецкий манер. Потом вытащил из кармана бумагу и театральным жестом протянул ее мне: «Прошу вас прочитать, господин генерал!»

Не отвечая на его приветствие, я молча взял бумагу и стал читать. Это было так называемое «Воззвание к русскому народу». В нем партия и вся Советская власть объявлялись враждебными народу нашей страны, а далее говорилось о том, что в скором времени будет сформирована русская освободительная армия (РОА), которая пойдет освобождать Россию.

— Ну и что? — спросил я, окончив чтение.

— Прошу подписать эту бумагу! — торжественно провозгласил Власов.— Вам доверяется высокая честь — быть командующим РОА!

— Вот что, Власов,— сказал я громко, так, чтобы меня слышали в соседней комнате, в которой, как я знал, собрались мои товарищи по плену, генералы и старшие офицеры Советской Армии.— Вот что, Власов... Меня теперь уже не интересует вопрос, каким способом ты получил партийный билет и для чего ты его носил. В моих глазах ты просто изменник и предатель, и та шайка отщепенцев, которую ты наберешь под свое бесславное знамя, тоже будет не армией, а сборищем предателей... Ты мне скажи, Власов, как ты свой народ обманул?!

Я очень волновался, меня от негодования била дрожь. По лицу Власова пробегали судороги. Видимо, он ожидал, что разговор будет иным.

— Советы мне не доверяли! — пробормотал Власов, отводя от меня глаза.— Я был в загоне...

— Врешь! До войны ты командовал девяносто девятой дивизией. Потом принял корпус. В сорок первом армию получил! Какое же тут недоверие? А если бы и не доверяли, разве это оправдывает измену Родине?

— Меня в Смоленске на улицах встречали!

— Посмотри туда, Власов,— сказал я, кивнув на окно. Сквозь стекло было видно, как немецкий солдат избивает советского военнопленного.— Ты видишь, как тут уважают русского человека? Так с кем же ты пойдешь освобождать Россию? Вместе с теми, кто вот так относится к ее народу? Кто вытоптал и выжег ее землю, там, где успел побывать?! Так и в Смоленске, выгнали палками людей на улицу тебя встречать! Как ты мог в глаза смотреть этим женщинам и детям? Откажись, пока не поздно, от своего предательского дела!

— Вот видите,— сказал Власов, обращаясь к майору.— Видите, с какими трудностями мне приходится сталкиваться при формировании армии. А вы мне не верили! Я предлагал генералу Снегову, генералу Понеделину, генералу Карбышеву... Вот видите, теперь и Лукин отказывается!

— Генерал Лукин, видимо, плохо представляет себе, к каким последствиям может привести его отказ! — со сдержанной угрозой в голосе, пробурчал немецкий майор.— Нам известно, что вы были офицером царской армии. В России вас уже объявили врагом народа... Что вас связывает с Советами? Еще раз предлагаю вам пост командующего РОА!

— Категорически отказываюсь! Я понимаю: вам выгодно, чтобы я стал командующим. Меня в Красной Армии знают поболее этого отщепенца. Но я отказываюсь! Слышите? Отказываюсь!

Теперь я был уверен, что меня слышат не только презренные вербовщики, но и наши, советские военнопленные.

Власов вытащил из кармана пальто пачку махорки и стал крутить цигарку. Руки его вздрагивали.

— Видишь, Власов, немцы тебе даже сигарет не дают! Махорку и то самую паршивую куришь... Не такие дураки немцы, чтобы дать тебе командовать армией! Они сами будут командовать, а ты у них будешь на побегушках!.. Я не пророк, Власов, но ты вспомнишь мои слова!..

— Хватит! — заорал немец.— Убрать его!

Дважды за это время ко мне приезжал и «генерал» Малышкин. Как я уже говорил, Малышкин был начальником штаба 19-й армии, которой я командовал, а когда попал в плен, изменил Родине и стал начальником штаба РОА. Этот, хоть цель его приезда была та же, что и у Власова, уже не пытался склонить меня на свою сторону, а просто, как говорится, «изливал душу».

Он рассказал, что после того, как я решительно отказался составить компанию Власову, немцы и сам будущий «освободитель России» решили привлечь на свою сторону одного из отпрысков династии Романовых, бывшего великого князя Кирилла Владимировича. Того самого, которого еще перед войной белая эмиграция короновала в российские императоры. Власовская делегация с большой помпой явилась в Париж, где жил в то время Кирилл. Все члены делегации щеголяли в новеньких немецких мундирах с нашивками «РОА» на рукавах и в лентах цветов царского русского флага. Перед отелем, в котором проживал «самодержец всея Руси», выстроился почетный караул.

Но... «великий князь», узнав, зачем пожаловала к нему власовская делегация, выслал к представителям РОА своего камердинера, который передал «собственные его величества слова» о том, что с изменниками Родины никаких дел он иметь не желает...

Выслушав все это, я впервые за все время плена громко, от души рассмеялся.

— Ну и рассмешил ты меня, Малышкин! Плохи же ваши дела, если даже царь, которого давно народ из России вышвырнул, не желает с вами разговаривать!

— Черт меня толкнул на эту авантюру! — мрачно проворчал Малышкин.— Обида грызла... Вот я и решил...

— Да какая же у тебя-то обида на Советскую власть?

— Генерала не дали. Так и ходил в комбригах до самого плена.

Я усмехнулся: когда в Красной Армии были введены генеральские

ЧУДЕСНАЯ ГЛИНА

Знаете ли вы, что для изготовления тонны пряжи нужно истратить сто килограммов крахмала? В масштабах страны это — огромное количество! Но, оказывается, крахмал можно заменить... глиной.

Эта глина обладает еще многими ценными свойствами. Если ее в виде порошка рассеять по пашне, урожай увеличится в два-три раза. Используя ее для формовки деталей, харьковский завод «Серп и молот» получает за год 700 тысяч рублей экономии. Ее применяют и при бурении скважин.

Бетонит — так называется чудесная глина. Долгое время самым крупным считалось ее месторождение, расположенное в Северной Америке. Теперь бетонит добывают в СССР, в Черкасской области, где обнаружен самый мощный в мире пласт — 25 метров толщины.

звания (взамен комбригов, комдивов, комкоров и командармов), утверждение Малышкина в новом звании действительно задержалось.

— А немцы генерала дали, значит? — спросил я.

— Немцы дали...

— Ну что ж, носи немецкие погоны, коли не брезгуешь, мелкая ты душонка! Только много ли проносишь?

— Эх, Михаил Федорович, Михаил Федорович! — горько вздохнул Малышкин.— Завидую я тебе, хоть и ноги у тебя нет, хоть и искалечен ты весь... Не поддался, ничем себя не скомпрометировал... Посоветуй: что же мне теперь делать? Бежать? Следят, не сумею уйти. У нашего дома в Берлине день и ночь стоит караул... Я и в лагерь-то приехал в сопровождении охраны!

— Хочешь, посоветую тебе откровенно? Слушай: пусти себе пулю в лоб. Хоть немного искупишь свою вину перед народом.

— У меня нет оружия. Не доверяют...

— И оружия нет? Эх ты! А еще генерал!.. Иди-ка ты, Малышкин, с глаз моих долой!

Малышкин встал, потоптался с минуту на месте, видно, ожидая, не протяну ли я ему руку. Но не дождался, еще раз тяжело вздохнул и поплелся к выходу...

А когда Малышкин явился ко мне во второй раз, я попросту повернулся к нему спиной.

— С предателями не разговариваю!

...С этого времени немцы, видимо, потеряли надежду заманить меня в свои сети и больше не присылали ко мне всякого рода парламентеров. Зато режим моей лагерной жизни сделался еще более жестким, и я чудом спасся от неминуемой гибели, остался в живых и не разделил участи генерала Карбышева, зверски замученного в Маутхаузене, генералов Сотинского и Пономарева, расстрелянных в крепости Вюрцбург, в которой сидел и я, и многих других...

Не буду рассказывать всего того, что пришлось пережить мне и моим товарищам по плену, когда мы бежали из Вюрцбургской тюрьмы, и о том, как мы добрались до города Мосбург, в котором повстречались наконец с английскими и американскими войсками...

Первым человеком оттуда — с Большой земли — был начальник советского репатриационного консульства генерал-майор Драгун. Он самым теплым образом встретил нас, поздравил с освобождением, устроил нам роскошный обед. «А теперь отдыхайте! — сказал он.— Чувствуйте себя, как на советской земле. Скоро полетите домой!»

Наконец наступил долгожданный день возвращения на Родину.

Ранним утром на парижском аэродроме мы погрузились в краснозвездный транспортный «ЛИ-2» и, радостные, взволнованные, поднялись в воздух...

Но уже в полете радость наша постепенно сменилась беспокойством: летчики и сопровождавшие нас люди в военной форме держались хмуро и замкнуто, в разговоры с нами не вступали, а на наши расспросы не отвечали. Беспокойство наше усилилось еще более, когда после долгого полета «ЛИ-2» приземлился на Центральном аэродроме. На взлетном поле и возле здания аэровокзала — ни души. Трапы никто и не думает подавать. Двери закрыты. Мы поняли, что ничего хорошего нас не ждет. В самолете установилась гнетущая тишина...

После получасового ожидания, которое нам показалось вечностью, на взлетное поле выехали два автобуса и несколько легковых автомобилей. Из приземистого здания аэровокзала вышла группа военных во главе с генералом. Подкатили трап. Мы один за другим сошли на родную землю.

Офицер, который держал в руке список, начал выкликать прибывших по фамилиям и распределять по автобусам. Дошла очередь и до меня. Офицер указал в сторону легковой машины: «Вас прошу сюда!..»

Наконец тягостная процедура переклички закончилась. Мы тронулись. Сердце мое замерло, когда мы выехали на Ленинградское шоссе. Москва... Родной мой город! Думал ли я, что увижу тебя вновь?.. Весна, которую я впервые в этом году увидел в предгорьях Альп, а потом в Париже, снова бушевала в деревьях.

Но я тут же вернулся к действительности. Куда же нас везут? Промелькнул Белорусский вокзал. На Лесную не свернули — значит, не в Бутырки... Площадь Дзержинского. Лубянка? Нет, поворот к Старой площади. «Нас везут в ЦК?» — неуверенно спросил я у своего спутника. Он усмехнулся: «Туда еще рано... Время покажет!..» «Неужели в Лефортовскую тюрьму?» — вырвалось у меня. «Нет. Пока едем в Люберцы».

В Люберцах под охраной мы провели пять месяцев, в течение которых нас что ни день вызывали на допросы. Потом еще два месяца в Голицыне. Мы носили офицерскую форму без погон, питались в офицерской столовой. Но часовой под грибком и ежедневная поверка напоминали: Москва, наши родные и близкие все еще далеки...

Прошло бесконечно долгих семь месяцев. Наконец однажды после обеда к нам пришел солдат: «Генерал-лейтенант Лукин! К следователю!..»

Все ахнули. Еще бы! Это был первый случай, чтобы одного из нас назвали по воинскому званию, а не, как обычно, по фамилии.

ТЕХНИКА НА ГРАНИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

В лабораториях американской полиции разработана «новинка техники» — автомобиль для разгона демонстраций. К стенкам машины подведен ток; прикосновение к ним вызывает электрический удар. Полицейская карета оборудована водометным устройством — заряженная электричеством струя бьет на 50 метров.

В дополнение ко всему — фары, вызывающие временную потерю зрения, и сирена, издающая вой, непереносимый для человеческого уха...

ГВОЗДИ ИЗ ПЛАСТИКА

Институт пластических масс в Варшаве создал новый материал «бистан», обладающий интересными свойствами. Он поддается обработке и при температуре выше 200° С. Из этого материала можно выделывать как эластичные гребенки, так и очень прочные гвозди.

УНИВЕРСАЛЬНЫЙ БУДИЛЬНИК

Один швейцарский часовой завод выпустил новый вид будильника, который после третьего звонка брызгает в лицо сонливца струю жидкости. Будильник можно зарядить по желанию лимонадом, духами или простой водой.

НОВОЕ СРЕДСТВО ПРОТИВ МОЛИ

Доктор Левин, сотрудник Института тканей в Иерусалиме (Израиль), недавно создал эмульсию, которой пропитываются ткани при изготовлении на фабриках. Жидкость эта препятствует откладыванию личинок моли, не теряя этого свойства ни при окраске и пропаривании, ни при стирке.

ОГНЕУПОРНАЯ СТЕНКА

На выставке в Мюнхене (ФРГ) внимание посетителей привлекли испытания стенок из особых огнеупорных кирпичей. На стенку направлялись струи из огнеметов. Судя по улыбке девушки, спокойно стоящей по другую сторону стены, ей не жарко.

▼

КОРОВЬЯ БАКАЛЕЯ

Советские ученые и техники находят все новые пути производства питательных и дешевых кормов. В литовском совхозе «Стонишкяй», например, начал работать первый в стране агрегат гранулированного сенного концентрата. Похож он на гигантскую мясорубку. Мешок «травяной муки» по своим питательным свойствам равноценен четверти вагона сена.

Интересно, что и зимой агрегат не будет простаивать. Он станет производить гранулированные хвойные корма.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ОСТРОВА

Исландию называют страной, рожденной в пламени вулканов.

Извержения исландских вулканов происходят не только на суше, но и под водой. Один из активных очагов подводных извержений находится у южного побережья, в районе архипелага Вестманнаэйяр. В ноябре 1963 года здесь началось мощное излияние огненно-жидкой лавы, которая, остывая, приобретает буроватый цвет. Постепенно над поверхностью океана поднялся остров, получивший название Суртсей («Бурый остров»).

До сих пор лавовые потоки продолжают течь из центрального жерла вулкана, и площадь острова увеличивается.

В комнате, в которую меня ввели, сидели трое. Мне предложили сесть и с минуту молча рассматривали меня. Потом один сказал: «Ну что ж... Собирайтесь. Едем!»

Видимо, я изменился в лице.

— Что с вами, генерал? Идите, собирайтесь. Только никому не говорите, куда едете.

— Да я ведь и сам не знаю!

— Вы едете домой!

На этом мытарства мои кончились. Скоро я уже обнимал жену и родных. И не было конца нашей радости...

Что касается остальных моих товарищей по гитлеровскому плену, то всем им было предложено поступить в Академию Генерального Штаба (я из-за тяжелых ран не смог этого сделать и вышел в отставку). Однако вскоре их уволили из армии.

* * *

Прошли годы. Кануло в прошлое тяжелое время культа личности Сталина. В стране и в партии восторжествовали ленинские принципы отношения к людям и их делам. Реабилитированы и восстановлены в правах все безвинно пострадавшие от произвола.

И теперь я по-иному смотрю на все то, что пришлось пережить. И по-иному оцениваю сражение в страшном сорок первом, в первые месяцы небывалой в истории человечества битвы двух миров.

...Принято считать: если армия уступила противнику поле боя,— значит, она потерпела поражение. Формально так оно и было. Девятнадцатая армия оказалась в окружении и после тяжелых и упорных боев распалась. Удивляться тут нечему: противник превосходил нас по количеству живой силы более чем втрое, танков — вдвое, артиллерии—вчетверо. А превосходство в воздухе просто-напросто не поддается сравнению. Самолетов у нас почти не было. К тому же гитлеровское командование все время вводило в бой свежие силы, а мы к тому времени уже понесли значительные потери и были донельзя утомлены.

И все-таки, ежели посмотреть на это сражение в масштабах всей войны,— оно выиграно нами. Выиграно потому, что благодаря упорству и стойкости советских солдат и офицеров гитлеровские ударные части, хоть они и добились тактического успеха, за время октябрьских боев были изрядно нами потрепаны и нуждались в пополнении и перегруппировке. Они потеряли драгоценное время и не сумели осуществить главного своего стратегического замысла — захватить Москву. Мы вложили толику и своего ратного труда в спасение столицы! И в какой-то мере исправили тяжелые ошибки и просчеты Сталина, совершенные до начала войны и в ходе первых ее боев.

Дорогой ценой пришлось заплатить нам за эти ошибки. Но когда я возвращаюсь мыслью к тем страшным октябрьским дням, в хмурые, осенние леса под Вязьмой, я думаю: да, ради такого дела стоило пережить все!

Литературная запись В. Павлова.

Зденек **ИРОТКА**

Пан профессор обретает из...

Все случившееся с профессором можно уложить в несколько строк объявления:

«Как стало известно, наш заслуженный биолог, профессор университета Н. Н., в результате падения со стремянки получил легкие ранения. Его лекции на ближайшие две недели отменяются».

Конечно, всегда найдутся обыватели, склонные к дешевой философии, которые скажут: «Так ему и надо, зачем он забрался на стремянку?» Эти и им подобные суждения нужно отбросить со всей резкостью: профессор забрался на стремянку, потому что ничего другого ему не оставалось.

Разрешите мне вам все разъяснить.

В последние годы мы доказали и себе и другим, что умеем делать потрясающие, великолепные вещи. И делаем их так хорошо, что пожинаем урожай восхищения за рубежом. Но жизнь среднего гражданина, хотя и подвержена влиянию всех этих великолепных достижений, складывается из множества мелких проблем, решение которых, как оказывается, выше наших сил.

Будем конкретны. Заманить к себе водопроводчика или столяра порой оказывается так трудно, что профессора биологии волей-неволей забираются на стремянки, а иногда, случается, и падают оттуда. Я могу вам рассказать, как это произошло, и прошу верить каждому моему слову.

Этот профессор живет в нашем квартале. Около года назад начали распространяться слухи, что он умеет менять прокладки в водопроводном кране. Первое время он, понятно, делал это только у себя дома, когда не мог дождаться водопроводчика. Потом — у самых близких друзей, которым многолетнее знакомство с профессором придавало смелости попросить действительного члена Чехословацкой Академии наук прийти к ним починить водопровод. Профессор улыбался и шел. Позднее слухи широко распространились, и сегодня дело зашло уже так далеко, что мы можем говорить о профессоре как о выдающемся водопроводчике, а не только как о биологе.

А катастрофа произошла следующим образом. За паном профессором однажды вечером пришла такая симпатичная старая пани: у нее в квартире, дескать, что-то испортилось в бачке, простите, туалета.

Пан профессор едва ли знал эту старую пани, но что касается водопроводных дел, то в нем уже заговорила своего рода гордость специалиста, которая не позволяла ему сказать, что в бачках он ничего не смыслит. Вместо этого он бодро заявил:

— Значит, бачок не в порядке? Сейчас мы его посмотрим. Уж он у нас будет работать обязательно!

Профессор взял инструменты и пошел.

Трудность заключалась в том, что старая пани предложила ему лестницу, которая была слишком длинна и в это маленькое помещение не входила. Ее пришлось поставить на пол коридора, выстланного плитками, и наклонить под опасным углом. В самую неподходящую секунду лестница под профессором заскользила. Несчастный водопроводчик, падая, ухватился за бачок, сорвал его, вдребезги разнес унитаз и переломил водопроводную трубу. В итоге старая пани переехала к дочери в

М. **ЗАХАРОВ**

Как меня выгнали

Рисунки В. Черникова.

Когда я впервые увидел огромную медную трубу в духовом оркестре, мне показалось, что это именно то, чего раньше мне так недоставало.

Взвалив себе на плечи это сверкающее громоздкое сооружение, я стал усиленно и напряженно дуть в его узкий конец, стараясь получить из противоположного конца любимые с детства популярные мелодии.

Когда мне удалось выдуть первые неопределенные звуки (это случилось спустя неделю после того, как я начал дуть), директор нашего клуба радостно обнял меня, как родного сына.

— Понимаешь,— сказал он,— ты именно тот человек, которого я так долго искал.— Тут он понизил голос и отвел меня в сторонку.— Дело в том, что я уже давно мечтаю разогнать наш эстрадный оркестр и вместо него организовать струнный ансамбль молодых гусляров. Однако коллектив подобрался на редкость дружный, спаянный, зритель его любит. Словом, по-хорошему они все равно не разойдутся! Думаю, что если мы тебя вместе с твоей трубой сумеем пристроить в их коллективе, вопрос о его расформировании решится сам собой. Нервы у них хотя и железные, но такого не выдержат!

— Конечно! — согласился я, польщенный директорским вниманием.— Кто же такое выдержит?

Мы тотчас же уединились в его кабинете и подробно оговорили все детали предстоящего мероприятия.

Ровно через неделю я подтащил свой могучий инструмент к репетиционному залу, и сияющий директор торжественно представил меня коллективу.

— Очень талантливая личность! — сказал директор.— Самородок. Дудит, не переставая.

— Это правильно,— поддержал я директора.— Продуваю все свободное время. Однако в настоящий момент хотелось бы помузицировать в уже сложившемся коллективе.

На лицах музыкантов отразилась тоска.

— И, главное, отказать ему невозможно! —

фессор вестность

район Высоча, а пан профессор четырнадцать дней не будет читать лекции.

Жители нашего квартала были охвачены опасениями, что после этого несчастного случая пан профессор прекратит свою деятельность в области канализации и водопровода. Но вскоре пришла успокоительная весть. Наш известный биолог пригласил к своему ложу видного математика, который, как все знают, в свободное время плотничает, и заказал ему более короткую лестницу. Молодец!

Тем самым отпадают заботы о водопроводчике. Ремонт электроаппаратуры, замену перегоревших пробок и т. п. взял на себя пан Баше. Этот к вашим услугам в любое время, поскольку он на пенсии. В прошлом он работал бухгалтером. Дело свое знает хорошо, хотя кое-кто из ближайших друзей сердит его присказкой: «В темноте, да не в обиде»,— но это не более чем шутка.

Первые успешные опыты по застеклению окон провел заведующий местным почтовым отделением.

Окраской комнат занимаюсь я и инженер Гураб. Мы работаем комплексно. Накатку мы делаем так: Иржи, стоя наверху на лестнице, начинает вести валик от потолка вниз, я подтягиваюсь, перехватываю валик и довожу его до самого пола. Затем передвигаем лестницу дальше, и все повторяется сначала. Мы работаем чисто, но у нас уходит на это довольно много времени. Мы беремся лишь за небольшие комнаты, с которыми можем управиться за воскресенье.

Именно поэтому недавно нам пришлось отказаться от одной работы, хотя в любом ином случае мы рады прийти на помощь попавшему в беду согражданину. К нам пришел пан Елинек, которого мы очень ценим, ибо он умеет ремонтировать холодильники. Он был в совершеннейшем отчаянии. Его история сводится к следующему.

Весной этого года они с женой решили, что во время летних каникул нужно окрасить квартиру. Дети будут в лагере, так что это — самое подходящее время. Пан Елинек отправился в управление коммунальных предприятий. Там ему сказали: «Секундочку!»,— заглянули в календарь и предложили срок ремонта под самый Новый год. Он настаивал на июле или августе, а они в ответ сказали ему: «Не хотите? Идите к частнику».

Тогда он пошел к какому-то немолодому маляру, и тот обещал ему сделать все 23 августа. За два дня до этой даты пан Елинек для верности зашел к маляру еще раз. «Будьте уверены,— сказал тот,— послезавтра утром я буду у вас как из пушки».

Елинеки все приготовили к началу ремонта. Нет нужды рассказывать вам, как это выглядит. Маляр, однако, не появился. Пан Елинек помчался к нему, но не застал его дома. «Но,— сказала его жена,— он к вам обязательно придет, он помнит».

Вечером Елинеки вытащили матрацы, разложили их на паркете и улеглись спать.

После восьми дней жизни, полной приключений, пан Елинек окончательно выяснил, что этот маляр работает, лишь когда у него нет денег. На этот раз они у него водились, а ждать, пока он их истратит, пану Елинеку не хотелось. Он стал искать помощи в другом месте. Нашел двух учеников маляра, которые обещали ему, что за субботу и воскресенье все покрасят. Они действительно пришли, помазали одну комнату, потребовали сто крон на краски и в ближайшем трактире упились до положения риз. Так надули пана Елинека.

Он пришел к нам и был похож на человека, которого постигло стихийное бедствие. Мы с инженером Гурабом глянули друг на друга и почувствовали, что в этом случае мы бессильны. Был субботний вечер, а у Елинеков три комнаты и кухня. Это выше наших сил. Но мы твердо верим, что со временем дорастем и до таких задач. Инженер Гураб захвачен мыслью сконструировать самоходную стремянку. Если существует самоходный экскаватор, почему бы не быть самоходной стремянке?

О наших вторых, так сказать, вечерних и воскресных профессиях я поведал другу, сотруднику одного министерства. Друг внимательно меня выслушал, тепло улыбнулся и ответил:

— Мы можем построить вам громадные водохранилища, новые города, гигантские машины. Можем превосходно провести спартакиаду, которая будет в десять раз больше, чем первая. Если хотите, можем запустить искусственный спутник во вселенную. На спутнике будут роскошные отели, бассейны и теннисные корты. Но не требуйте от нас, чтобы мы ремонтировали печной дымоход.

А мы не требуем. Фармацевт из местной аптеки — большой мастак ремонтировать дымоходы.

Перевела с чешского Ирина Гаврилова.

радостно сообщил директор.— Не имеем права! Самодеятельность! На чем желает, на том и играет! У вас ведь тут кое-кто и со стороны, а это исконный работник нашей системы!..

— Да уж,— согласился я.— Отказать мне невозможно.

— Что вы хотите делать с этой трубой? — тоскливо спросил руководитель и накапал в стакан несколько капель из маленького пузырька.

— Репертуар покамест не ахти какой! — честно признался я руководителю.— Но, думается, «Соловей» Алябьева должен прозвучать. Если и не весь, то по крайней мере частями...

Руководитель залпом проглотил лекарство и кивнул головой. Я аккуратно подлез под трубу, сосчитал до двух, на счет «три» рванул ее себе на плечи, затем не спеша почмокал губами, сложил брови вопросительным знаком, прикрыл глаза, и... радостный директор, зажав уши, вылетел из зала.

— Прекрасно! — сказал руководитель, напряженно растирая себе виски.— Очень своеобразный «Соловей».

— А вот и не угадали,— улыбнулся я.— Это я вам совсем другое произведение исполнил.

— Разве? — удивился руководитель и снова полез за пузырьком.

Любопытные музыканты тотчас же обступили меня плотной стеной.

— Что же это такое было? — понеслось со всех сторон.

— «Марш энтузиастов»?

— «Текстильный городок»?

— Ни то и ни другое! — сказал я лукаво.— Начал я действительно с «Соловья», не буду скрывать, а потом на «Полет шмеля» переключился!

— Молодец! — не удержался руководитель и хлебнул прямо из пузырька.

Польщенный, я скромно опустил глаза и тихо признался:

— Жаль, я еще мундштук от своей трубы потерял, а то бы я вам не такое сыграл!..

Коллектив оркестра ответил восторженным ревом.

— Сейчас плечи отдохнут, «Танец с саблями» услышите! — пообещал я окружившим меня музыкантам.

— Зачем же отдыхать? — воскликнул один из них.— Бросьте этот самовар. Возьмите трубу поменьше. Не все ли равно, куда дуть!

Мне тотчас же вручили трубу значительно меньших размеров и потребовали «Танец с саблями». Я дунул пару раз и пришел в восторг, поскольку она весила совсем немного и держать ее было легко и свободно.

— Самое интересное, что он не такой уж кретин, каким кажется! — сказал руководитель задумчиво.— У него отличные данные, хорошее дыхание и, по-моему, есть еще кое-что...

Я не стал спорить, и он тут же назначил мне серию индивидуальных репетиций.

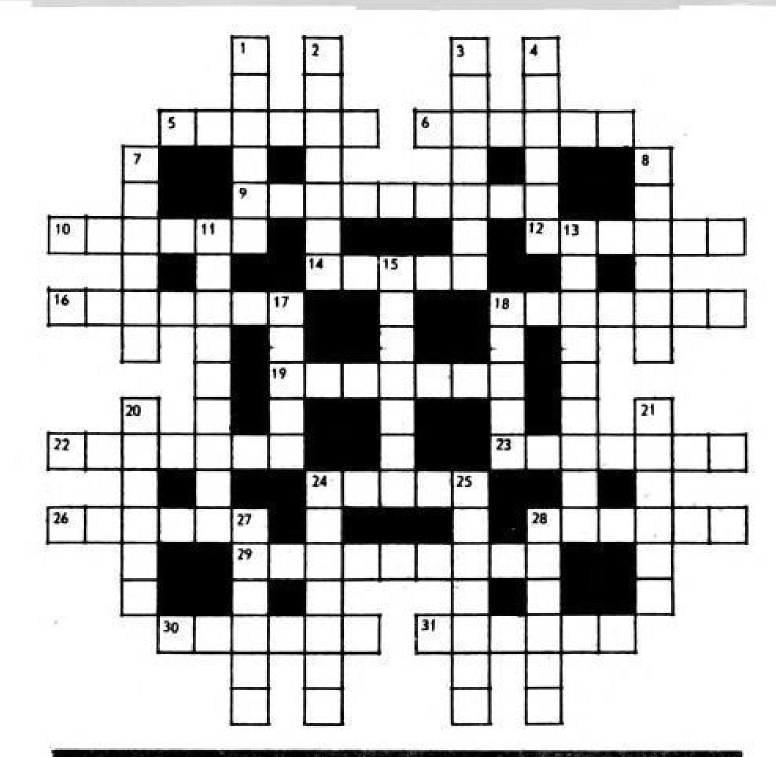
Я старался, как вол, совершенно упустив из виду наш уговор с директором. После каждой индивидуальной репетиции следовали еще добровольные, самостоятельные репетиции. После самостоятельных — снова индивидуальные. Так продолжалось довольно долгое время. Ничего не подозревающий директор время от времени интересовался моими успехами. Я заверял его, что все в порядке, и он, довольный, потирал руки.

Наконец в один прекрасный день я взвился на октаву выше прославленного Пети Гусеничкина с консервного завода и опустился на терцию ниже признанного всеми Жоры Курочкина с парфюмерной фабрики.

После моего соло на заключительном смотре художественной самодеятельности зал разразился оглушительной овацией. В ложе дирекции заведующий отделом культуры горисполкома обнял и расцеловал нашего директора.

— Счастливец! — сказал он сквозь слезы радости.— Подумать только! Какой джаз-оркестр воспитал! Какого трубача вырастил!..

— Старались,— скромно ответил директор.

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Государство в Африке. 6. Приток Миссури. 9. Помощник профессора. 10. Французский астроном, математик, физик. 12. Сочетание нескольких звуков различной высоты. 14. Денежная единица. 16. Неожиданный подарок. 18. Русский педагог, анатом и врач. 19. Химический элемент. 22. Народный писатель Эстонской ССР. 23. Штат в США. 24. Коробка для подшипника оси вагона. 26. Рассказ М. Горького. 28. Остров между Баренцовым и Карским морями. 29. Курорт на берегу Каспийского моря. 30. Цветник. 31. Привилегия.

По вертикали:

1. Прибор, указывающий направление. 2. Быстроходное судно. 3. Строительный материал, сложенный в правильную форму. 4. Периодическое издание. 7. Служебное сообщение, донесение. 8. Газ, топливо. 11. Киноактер, народный артист РСФСР. 13. Средства ухода за кожей. 15. Автор романа «Неведомый шедевр». 17. Объективно существующая необходимая связь явлений. 18. Порода собаки. 20. Валеная шерсть. 21. Типографский шрифт. 24. Ударный музыкальный инструмент. 25. Русский композитор. 27. Река в Хабаровском крае. 28. Порт в Финском заливе.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 46

По горизонтали:

2. Комаров. 8. Феоктистов. 9. Егоров. 10. Старт. 12. «Калинка». 14. Еруслан. 16. Греков. 17. «Алмаст». 19. Турбина. 22. Цимбалы. 25. Турне. 28. «Восход». 29. Барокамера. 30. Оркестр.

По вертикали:

1. Лаборант. 2. Каир. 3. Веер. 4. Мечта. 5. Якоби. 6. Тонус. 7. Бочка. 10. Самокат. 11. Теплице. 13. Легар. 15. Литва. 18. Фарватер. 20. Устой. 21. Брехт. 23. Бирма. 24. Луара. 26. Ядро. 27. Икар.

На первой странице обложки: Мировая рекордсменка, чемпионка Олимпийских игр в Токио, юная пловчиха Галина Прозуменщикова.

На последней странице обложки: Детский балет на льду. Дворец спорта в Лужниках.

Фото А. БОЧИНИНА.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются. Оформление А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы. Внутренней жизни — Д 3-37-61; Международный — Д 3-38-63; Искусств — Д 0-46-98; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 0-14-70; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00793. Подписано к печати 11/XI 1964 г.
Формат бум. 70×108 1/8. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1.882.500. Изд. № 2079. Заказ. № 2970.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

— Под лунатика работает!

Завклубом: «Заставлю я вас все-таки в клуб ходить!»

Рисунки В. Воеводина.

Турист на привале.

— Интересно, когда разрешат охоту на медведя!

Убежденный вегетарианец.

Рисунки И. Сычева.

— Не беспокойся, дорогой, дети спят.

— Кончай свои упражнения, а то я опаздываю.

Рисунки Ю. Черепанова.

РАССКАЖЕТ СВОИМ ЧИТАТЕЛЯМ

О МНОГОМ ВАЖНОМ, ИНТЕРЕСНОМ И НЕОБЫЧНОМ.

МНОГИЕ СОВЕТСКИЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ПИСАТЕЛИ ВВЕДУТ ВАС В МИР СВОИХ ГЕРОЕВ.

В журнале вы сможете прочесть новые главы из книги Михаила Шолохова «Они сражались за Родину».

Вы познакомитесь с произведениями Н. Асанова, С. Баруздина, С. Воронина, С. Георгиевской, О. Гончара, В. Закруткина, А. Калинина, Г. Калиновского, В. Кожевникова, В. Лидина, Ю. Нагибина, С. Никитина, Л. Никулина, К. Паустовского, Б. Полевого, К. Симонова, В. Солоухина, Н. Тихонова и других писателей.

«Огонек» напечатает в 1965 году стихи П. Бровки, С. Васильева, Р. Гамзатова, С. Капутикян, Г. Леонидзе, А. Малышко, Л. Мартынова, А. Прокофьева, И. Сельвинского, Вас. Федорова, О. Фокиной, Г. Эмина и многих других поэтов.

Вместе с нашими специальными корреспондентами вы побываете в малоизвестных уголках советских республик, познакомитесь с замечательными людьми, которых так много на нашей земле.

Мы продолжим в 1965 году рассказы о неизвестных героях Великой Отечественной войны, о подвигах советских разведчиков.

Люди бывалые, знающие поделятся с вами своими мыслями, своим жизненным опытом.

Вы захотите посоветоваться, как лучше воспитывать своих детей,— со страниц журнала с вами будут говорить об этом крупнейшие советские педагоги.

В огоньковском «Клубе здоровья» вы побеседуете с видными деятелями медицины.

В 1965 году специальные корреспонденты «Огонька», среди которых Фрэнк Харди, Джеймс Олдридж, Стефан Гейм, Альберт Кан, совершат кругосветное путешествие по странам Европы, Азии, Африки, Австралии, Южной и Северной Америки. «Фотоглобус» и «Международный клуб «Огонька» по-прежнему будут знакомить вас с самыми актуальными и интересными событиями в мире.

Где возникают звездные облака! Можно ли управлять морскими течениями! Есть ли на земле разумные существа, кроме человека! Сотни интереснейших вопросов! На них отвечают со страниц журнала «Огонек» крупные советские ученые. От них вы узнаете о новейших достижениях физики и химии, биологии и медицины, вы побываете в творческой лаборатории советских академиков, в археологических экспедициях, на дне морском и в поднебесье.

Видели вы, как художник пишет картину, как композитор сочиняет новую песню, как актер готовит роль! В будущем году мы посетим вместе с вами мастерские художников, побываем в гостях у композиторов и актеров, посмотрим, как идут репетиции и снимаются фильмы.

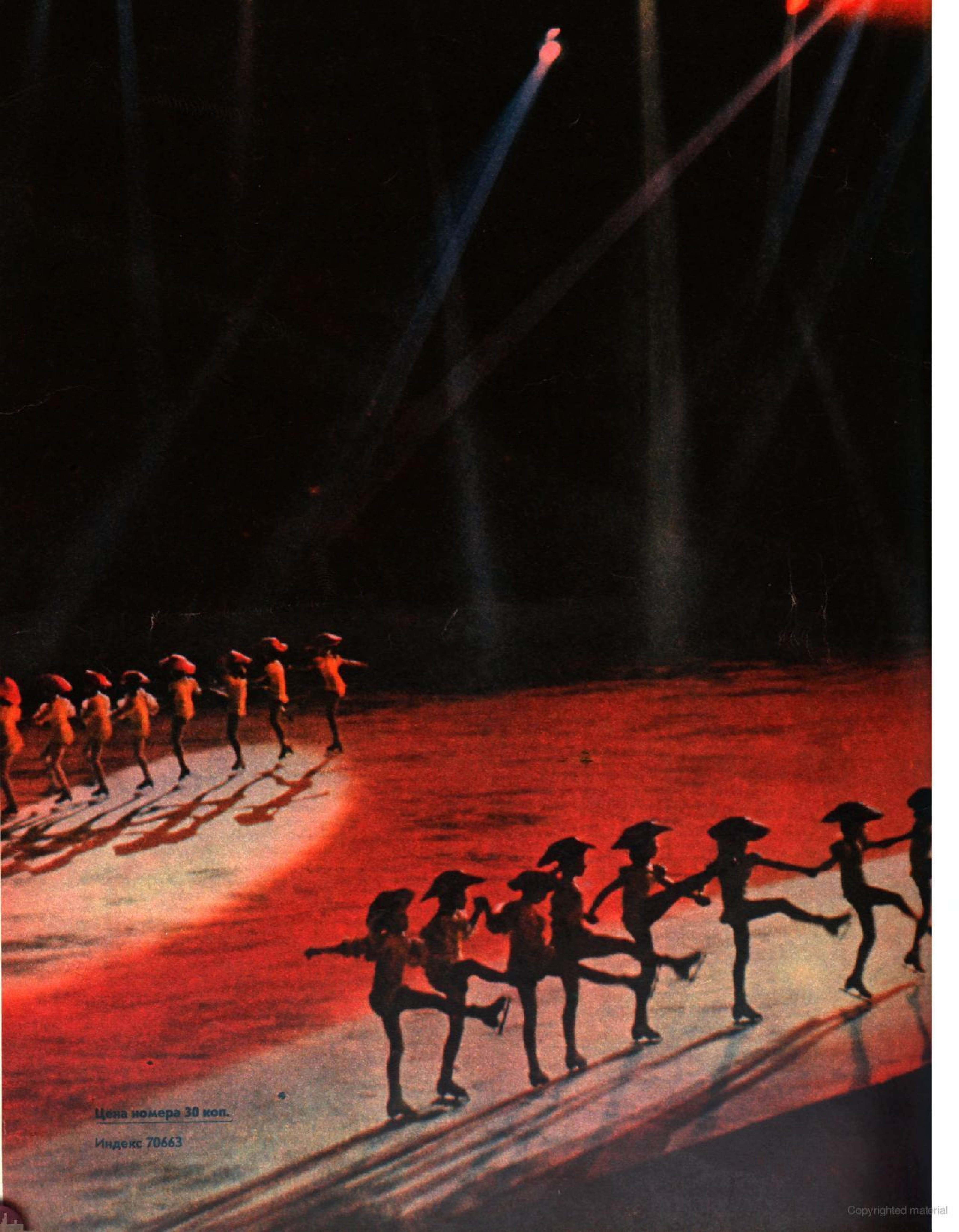
Известные советские спортсмены раскроют секреты своих спортивных успехов.

Коллекционеры обогатят свои коллекции цветными репродукциями из собраний лучших художественных галерей мира.

ОГОНЁК В 1965 ГОДУ

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЯ

В ОТДЕЛАХ И АГЕНТСТВАХ «СОЮЗПЕЧАТИ», ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ, А ТАКЖЕ ОБЩЕСТВЕННЫМИ РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ ПО МЕСТУ РАБОТЫ.

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663